

О. В. Ленський

Василь Іванович

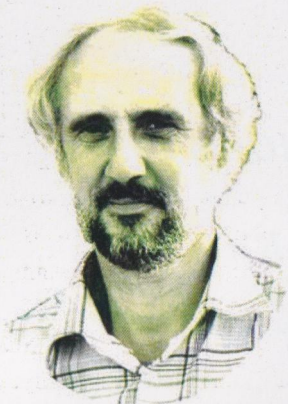
Ярославський

учитель, землемір, архітектор

*м. Суми
Власне видавництво
Ленського О. В.
2012 р.*

ББК 63.3(4Укр – 4Сум)

Ленський О. В.

У книжці розповідається про Василя Івановича Ярославського, що залишив нам свої спомини про наш край на межі кінця XVIII ст. і початку XIX ст.

Л 33 Ленський О. В. Василь Іванович Ярославський. – Суми: Власне видавництво Ленського О. В., 2012 – 80 с. іл.

Ленський Олександр Васильович, 2012.

Вступ

В літературних додатках до „Харківського календаря” за 1886 р., що були представлені протоієреєм Миколою Лашенковим є спомини уродження Харківської губернії В. І. Ярославського під назвою „Тайная исповедь о моей жизни и делах, и о лицах, с которыми я имел связи и сношения”.

В. І. Ярославський, по закінченню навчання в Харківському державному училищі (щось на зразок кадетського корпусу) вступив на службу до Харківського губернського правління канцеляристом, а згодом, рахуючись на службі при Сумській міській поліції, мешкав у різних поміщиків Харківської губернії в якості вчителя, землеміра, архітектора. У 1806 р. він попав на службу до Петербурга, де прослужив всього 2 роки, а з 1808 р. служив в Херсоні губернським архітектором. З 1817 р. став радником державної палати. З 1821 р. працював радником Таврійського губернського правління, а згодом на цій же посаді працював в м. Тула. У 1833 році звільнився з посади. На пенсії він мешкав, до самої смерті, в місті Суми.

Ярославський крім своїх службових обов'язків цікавився літературою, робив переклади з іноземних мов. В сорокових роках, як видно з його листів до петербурзького товариша, він займався складанням „Исторического лексикона замечательных мужей” і мав бажання написати керівництво по сільській архітектурі. В той час архітектура для заможних людей умовно ділилася на міську і сільську. Його записки про службу в Новоросійському краї дуже цікаві, але вони не мають відношення до нашого краю. Тут буде розповідь тільки про те, що

відноситься до Харкова і Харківської губернії. Частина споминів дає нам можливість спостерігати за місцевим життям, за окремими значними особистостями нашого краю. При значній бідності подібних споминів ми маємо можливість оцінити їх краєзнавче значення. Фрагменти з цих споминів давно використовуються в краєзнавчій літературі. Я перший раз познайомився зі споминами Ярославського 30 років тому в бібліотеці Сумського краєзнавчого музею, коли там ще був Харківській календар за 1886 р. Тепер я багато чого з тих часів сьогодні в музейній бібліотеці і експозиціях не знаходжу. В ті часи потрапити навіть до бібліотеки музею було складно, але допоміг випадок. Ми були на курсах в Інституті підвищення кваліфікації вчителів (тоді він так називався). Там треба було допомогти обладнати комп'ютерний клас. Я ще з одним учителем Правдюком погодилися допомогти в обладнанні кабінету і нам пообіцяли заплатити. Коли через тиждень ми склали калькуляцію наших робіт, то отримали аж по 25 крб. Правдюк не захотів більше нічого робити, а я вже закінчив все сам і як компенсацію за свої труди попросив щоб мені дали папірця від імені інституту для роботи в музейній бібліотеці, бо на роботу в архіві треба було мати дозвіл з партійних органів, який мені ніхто не дав. З цього моменту і починалися мої серйозні краєзнавчі дослідження. Сьогодні знову допуск до обласного архіву обмежили. Люди в листопаді пишуться на чергу в ДАСО на червень місяць наступного року. За таких умов практично краєзнавча робота в архіві зупинена. З цієї причини я вирішив зробити передрук споминів Ярославського, подати певні коментарі і проілюструвати світлинами його спомини. Для значної частини людей, що цікавляться краєзнавством Василь Іванович Ярославський залишився невідомим, бо більше знають його дядька харківського губернського архітектора Петра Ярославського і часто їх плутають. Місцеве краєзнавство просто рясніє спотвореними прізвищами Штеричевої, Рахманової. З

Василя Івановича Ярославського автори книжки „Сумщина в іменах” зробили Володимира Івановича, бо вони не вивчали праці Миколи Федоровича Сумцова. Авторами цієї книжки були відомі історики і краєзнавці Звагельський та Власенко. Загалом, мій передрук зберігає мову оригіналу, але велика кількість архаїзмів комп'ютером не сприймається і тому довелося замінити сучасними словами, бо і читати архаїчні і складно побудовані речення за правописом початку XIX ст. теж важко.

Соромно слухати, коли перед телекамерами один поважний місцевий архітектор всі заслуги по дореволюційному містобудівництву відносить на користь архітекторів Шольців (батька і сина). Свій архітектурний спадок нам в місті залишили Олександр Олександрович Паліцин, Петро Антонович Ярославський, Василь Іванович Ярославський, Михайло Іванович Ловцов, Григорій Федорович Прядкін, Олександр Олександрович Трешау, Василь Миколайович Тимченко, Андрій Прокопович Тарасов, К. М. Тарасов, Олександр Миколайович Оловенніков, Адольф Йосипович Бобровський-Королько. Звичайно, що це не всі, бо значна частина документів XVIII – XIX ст. втрачена. Не отримав я ніякої ні подяки, ні відзнаки від архітектурної громадськості за свою подвижницьку роботу по збереженню архітектурного спадку міста і області. Кого тільки наша дебільна влада не нагороджує, звичайно починаючи сама з себе, але я не знаю жодної людини щоб отримала нагороду дійсно за свою подвижницьку роботу по збереженню історичного спадку нашого краю.

Самі спомини В. І. Ярославського є прикладом боротьби людини посередніх здібностей з низів за свою долю. Загалом, Василю Івановичу везло на обставини і шляхетних людей. Багато чого в тому житті і в нашому сьогодні має прямі паралелі. Мені вже набридло порівнювати дворян і буржуазію минулого, з дебілами і бандитами сьогодні, що знищили країну і промисловість, але порівняння напрошуються самі собою.

Из воспоминаний В. И. Ярославского

Тайная исповедь о моей жизни и делах, и о лицах, с которыми я имел связи и сношения

Я родился Ахтырского уезда в селе Гростянец от дьячка Вознесенской церкви Ивана Антоновича Ярославского. В детстве сказывали мне, что отец мой умер прежде моего рождения. Помню что я жил с матерью моею Марьею Васильевною, рожденной в городе Краснокутске, в нашем деревянном доме, стоявшем через улицу прямо против Вознесенской церкви. От случившегося пожара сгорела эта деревянная церковь и дом наш вместе с соседними домами. Пожар был так силен, что мать моя едва успела спасти сундук на колёсах с её платьем.

Мать моя перешла на житьё в господский дом, стоящий через площадь против господских каменных конюшен, а от севера против каменного двухэтажного магазина. В этом доме жил какой-то её родственник, престарелый человек с женою старухою по фамилии, помниться, Лозинский, который прежде был управителем всего Надаржинских имения, и был ими уважаем. Этот дом был обширен с флигелем, конюшнями, с садом, где была аллея больших лип, а двор обгорожен частоколом и обсажен вербами. Помню, что престарелый этот родственник, которого называли моим дедушкой умер в глубокую осень. Его хоронили в большую метель.

По смерти этого дедушки, вскоре жене его отвели другой господский новый деревянный дом, ниже каменного того хлебного магазина, в который мать моя перешла жить. Зимой мать моя поехала в Ахтырку на ярмарку, к родной меньшей сестре Анне Васильевне, бывшей замужем за дьячком соборной церкви, где находится чудотворный образ Богоматери. Этого дядю звали Димид Петрович. Он хорошо играл на гусях и учил церковных певчих. Там мать моя услышала от приезжих из Красного Кута на ярмарку, что её мать, Дарья Осиповна, опасно

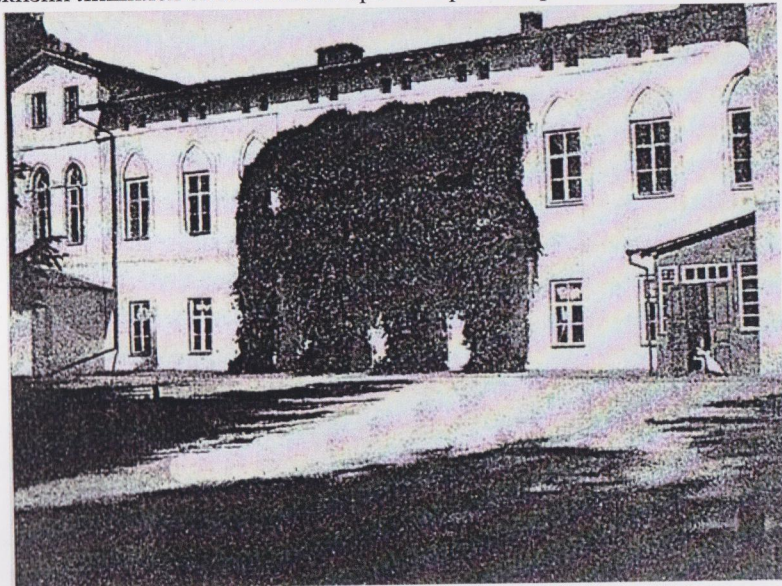
больна горячкою. Она поехала к ней. Сказывали, что она так старательно и неусыпно смотрела за больной, что сама заболела еще сильнейшею горячкою и вскоре умерла. Помню, когда весною получено было в Тростянце известие о её смерти, то я, сидя над речкою, горько плакал целый день и хотел сам умереть, а возвратившись в дом, не ел целый день и с горя лёг спать. Так в печали и частых слезах прожил я с бабушкой лето, а зимой её обворовали и вскоре после воровства она и умерла. И так я, бывши пяти или шести лет, без всякой помощи, остался круглым сиротою. По этой причине я не помню ни дня моего рождения, ни сколько мне лет, а спросить о том по детской моей беззаботности и незнанию, что это нужно, не подумал. Родной брат моего дедушки приехал из Боромли, забрал оставшееся движимое и недвижимое имущество и взял меня с собою. Помню, что проезжая через село Родомль, я обедал за столом помещика, который был каким-то родственником этому дедушке.

В Боромле я жил в самом горестном положении, спал всегда под коморою. От простуды или от горя всё лето был болен лихорадкой. Бабушка была ко мне не ласковой, и как будто она тяготилась мною, хотя не имела собственных детей. Она требовала от своего мужа, чтобы отвез меня обратно в Тростянец и отдал какому-нибудь родственнику. Этот дедушка привез меня туда в Спасовку. Проезжая по улицам Тростянца, с горестью смотрел на знакомых моего детства. Дедушка отдал меня какому-то дальнему родственнику, которого меньший брат Моисей, вскоре, по его приказанию, отвез меня в Ахтырку к тётке моей Анне Васильевне. Дом её мужа был в соборном приходе, прямо через улицу против большого двора и длинного одноэтажного деревянного дома графа Подгоричани. Ниже этого дома был обширный сад с канавами, и я со своими сверстниками нередко ходил туда рвать яблоки. Помню, как я с толпою народа ходил также смотреть, как отвозили на многих экипажах умершего престарелого этого графа. Люди указывали и

говорили: „Смотрите, как эта молодая жена его горько плачет”. Она отвезла его с большою церемонией на погребение в большое его село Пархомовку, которое, как я после узнал, было подарено ему за службу императрицею Елизаветою Петровною.

Муж моей тетки Димид Петрович, по небрежению и нетрезвой жизни лишился своего места при соборной церкви и имея одного

Будинок графа Подгоричани, що згодом перейшов у власність Харитоненків

сына и двух дочерей, по бедности своей затруднялся в пропитании своего семейства. В Ахтырке, кажется, в Покровской церкви был родной брат моего отца, протопоп отец Иван Ярославский, но зная его гордость и суровый нрав, дядя и тётка не смели просить его принять меня, а предложили родственнику их дьячка Николаевской церкви, которого имени не припомню. У них не было детей, и жена его ко мне была весьма милостива. Я прожил у них зиму. Помню, что выучивши какую-то виршу, на

Рождество я ходил с ними Христа славить, виршовал до 20 копеек и считал себя богачом.

Перед масленицей приехал второй муж моей бабушки Косьма Снесаревский, взял меня и привез в Красный Кут. Бабушка меня очень любила, отдала меня учиться дьячку Покровской церкви и как он далеко жил от дома бабушки Николаевского прихода, то она каждый день покупала для меня вязку бубликов, и я, не ходивши домой обедать, учился до вечера. В учении я был туп, безпонятен и мало внимателен. Я помню, что однажды он меня высек. Летом я хаживал по длинной плотине купаться в реке Мерло, где было много гадин, живших между хворостом. За рекой был весьма обширный сосновый лес, принадлежавший прежде к большой казенной слободе Мурафе, а потом, как позже я узнал, был подарен императрицею графу Подгоричани.

В Красном Куте я прожил лето и зиму. Муж моей тетки Анны Васильевны, продавши или обменявши свой дом в Ахтырке, переехал на житье до Богодуховского уезда в большое село Писаревку, где были две деревянные церкви, и при одной он заводил певчих. Зная, что я имел голос дисканта, он требовал от бабушки, чтобы послала меня в Писаревку. По приезде туда я и пел в одной церкви. Тётушка, царство ей небесное, видя, что житьё моё в Писаревке не послужит к моему счастью, советовала своему мужу лучше отвезти меня в Харьков где мой родной дядя, Петр Антонович Ярославский, был губернским архитектором: „он может вернее устроить его счастье”.

Поутру рано, в самый разгар Покров Пресвятой Богородицы, я был им перевезен в Харьков и приведен в дом Петра Антоновича за Лопанью. Расспросив обо мне подробно, он велел оставить меня в передней комнате, а сам поехал с поздравлениями к губернатору и в церковь. Сидя долго один в комнате, я соскучился. Когда вошла горничная девушка, то я обрадовался и просил её провести меня от собак. Выйдя со двора, я старался дойти до каменного моста и отыскать на ярмарке близь Лопани

воз, где дядя мой остановился с прочими людьми, приехавшими из Писаревки. Того же дня он располагал выехать из Харькова, то выругавши меня за то, что не остался, отвел меня в классы, бывшее казенное училище, в роде кадетского корпуса, и отдал меня родному старшему брату Ивану Ивановичу. Брат мой, хотя и негде было поместить меня, обрадовавшись, кормил меня приносимую им от общего стола пищей, и я на одной кровати спал с ним до воскресенья. В воскресенье меня отвезли к дяде Петру Антоновичу, которому при разговоре объяснил, что об определении меня теперь в классы нельзя сделать представления губернатору и что регент поехал по губернии набирать певчих, по привозе которых, я могу быть вместе с ними определен. Дядя велел мне остаться в его доме, по тесноте которого я жил на кухне. Почти каждый день ходил в училище учиться нотному пению. В Рождественский мясоед 1789 года совсем перешел в классы, когда были привезены другие певчие. Итак, переходя от многих моих родственников, которые тяготились содержанием меня, наконец достигши надежного жилища, могущего образовать меня и открыть мне верную дорогу к счастью, я совершенно испытал на себе пословицу: „За сиротой Бог с калитой“. Теперь вспоминая, сколько в детстве и нужд, и горестей претерпел, ясно вижу, что без всеблагого Божия Промысла я не мог бы перенести всего и остаться живым.

Помню перед масляной 1789 года в ужасную метель приехал в Харьков светлейший князь Потемкин-Таврический, проездом в Петербург. Он остановился у губернатора Федора Ивановича Кишинского, который жил во дворце, построенном еще до 1787 года, ко времени путешествия императрицы Екатерины II на обратном пути из Крыма. Там наши певчие и музыканты встречали его хором. Теперь в этом дворце помещается университет. К этому дворцу тогда была пристроена обширная деревянная зала в два этажа. Потолок её поддерживал вокруг внутри всей залы столбами, между которыми находились хоры, а

сама зала соединялась с дворцом галереей. Помню, рассказывали много, что за время пребывания в Харькове императрицы, она угощала в этом зале Харьковских дворян обеденным столом, а сама находилась на хорах и смотрела на них. Вероятно, в этой же зале она слушала речь, сказанную ей от лица всего дворянства, бывшим тогда губернским предводителем дворянства, Григорием Романовичем Шидловским, тогда награжденным орденом Святого Владимира 3-й степени. Все губернские чиновники получили награды, а мой дядя получил от неё в подарок перстень. Даже первые дамы подносили ей свои рукоделия, и эта милостивая государыня также удостоила их наград, что все это много рассказывали. В 1791 году губернатор Кишинский велел моему дяде устроить в этой деревянной зале театр, по усмотрению которого два раза в неделю бывали представления для увеселения харьковской публики, а в 1797 году эта зала при губернаторе Теплове разобрана, а театральные представления вовсе уже не бывали.

Ось як діяв цей театр у споминах Г. Ф. Квітки.

„Немного потребовалось, продолжает далее Г. Ф. Квитка, чтобы в готовом зале поставить сцену, а на ней кулисы, расписать их. Мастерские взяты были из губернской роты, приказано им, и они все сработали. Все это смастерил губернский механик Лука Семенович Захаржевский. Он расписал две декорации, комнату и лес, и на месте поставил занавес. Умудрился так устроить, что он поднимался и даже свободно опускался над площадками. Очень хитро придумал навесить доску, которая делала на сцене в случае надобности ночь. Едва ли кто из харьковцев помнит его. Он имел много природных способностей. Он готов был с услугами каждому. Черепаховое ли колечко выточить, заготовить фейерверк к семейному празднику, починить ли веер, устроить ли китайские тени, он на все мастак. Он сделал даже как то лодку на колесах и ездил в ней по нашим рекам. При открытии наместничества его наименовали губернным механиком. Сей то велик искусник на маленькие дела устроил театральную сцену, по тогдашнему времени довольно порядочную. Затем затевал сделать машину, чтобы по свистку переменились декорации, но сколь ни мудрил, сколько ни делал приступов к тому, не доказал своего искусства и отложил затею в сторону. Сцена готова. Между тем и репертуарная часть устроилась быстро. По убеждению губернатора, молодые люди, служащие в канцеляриях, в чертежной, не окончившие еще курса наук в тогдашних училищах, объявили желание играть на театре без всякого вознаграждения, а единственно для удовольствия публики. А как не нашлось охотниц вступить в актрисы, то из них же способные занимали женские роли. И вот театр готов к открытию. Двенадцать лож были абонированы первыми чиновниками по 50 руб. на целый год. В каждой ложе могло свободно разместиться до 20 особ. Цена установлена за вход: кресла 1 рубль (годовые 25 руб.), партер 60 коп., галерея 25 коп. медью.

Входная плата эта отнюдь не может быть признана для своего времени дешевой: она относительно была выше нынешней. „Тогда существовало училище под непосредственным распоряжением губернатора, не имевшее другого наименования, как только классы (при образовании училищ, оно переименовано в гимназии без всякой прибавки в предметах). При классах из воспитанников был полный оркестр музыки и хор певчих, все под управлением знающего дело учителя Максима Прохоровича Концевича. Духовные концерты и другие пьесы, им сочиненные, славились в свое время и далее Харькова. Классический оркестр, по приказанию губернатора, обязан был играть в каждом представлении безвозмездно. Дни представления были вторник и пятница, если случался в этот день праздник. В праздничные и воскресные дни представления закрывались. Зимой и летом представления начинались неотложно в шесть часов вечера. Директором театра был избран один из чиновников только на один год. Типографии не было и писанная афиша, прибывая к фонарному столбу у ворот дворца, извещала любопытствующих, какая пьеса в тот день будет представлена. В продолжение Успенской ярмарки театр открыт комедией Княжнина „Без обеда домой еду“. Зрители наполнили весь обширный театр, и рукоплесканиям не было конца.

Теперь обращусь к рассказу о моем пребывании в казенном училище. Поутру я занимался пением и только после обеда мог заниматься изучением наук. От природной склонности моей к задумчивости и размышлению, я был невнимателен и непонятлив к тому, чему учили меня, а от этого каждая наука стоила мне немалого труда и времени, чтобы сказанное учителем или самим прочитанное мог твердо помнить. Понятие во мне и рассудок поздно открылись. Я всегда твердо понимал, что в моем сиротском и бедном состоянии не на кого мне надеяться, и оттого был всегда прилежен к наукам. Напротив того, брат мой, Иван Иванович, имел от природы счастливую память. Он, бывало, прочитает несколько раз к вечеру, как бы не даден был урок из французского языка или какой науки, то по утру твердо помнил его, но зато не в осуждение его, а по правде, был ленив к наукам. Он не кончил полного их курса, более занимался пением, а после игрою на флейтраверсе в театре, где каждый раз платили музыкантам, и этим самым отвлекали их от наук. В 1793 году по выходе из училища, чтобы быть учителем народного училища в Лебедине, там он вовсе оставил французский язык и забыл его, а я по потере голоса, в 1794 году, мог только начать учиться французскому языку. Помню, что учитель Дмитриев, у которого я учился истории и географии, сказал мне: „Учись прилежнее

этому языку, хотя и поздно начал учиться ему, он будет тебе полезен". Желая отблагодарить тетке Анне Васильевне за попечение о моем сиротстве, я писал, чтобы она прислала в Харьков своего сына для определения в училище. Она сама его привезла. По просьбе моей директор Густав Борисович Буксгевдень его определил, но этому баловню не понравилась ни пища, ни строгость содержания, и он вскоре тайно ушел в Писаревку. Итак, я ничем не отблагодарил тетке и доселе остаюсь ей и её матери Дарьи Петровны должником. В 1795 году по желанию директора училища и по указанию нашего учителя фортификации и артиллерии Ивана Николаевича Николаева, все казенные воспитанники строили под Холодною горою крепость, рыли шанцы для подступления к ней. Мы носили мундиры, имели тесаки и ружья, и нас учили военной экзекуции, а лучшие из учеников каждый день ходили к губернатору на ординарцы, то мы маршировали правильно через город к Холодной горе для взятия той крепости. Многочисленные толпы граждан следовали за нами и присутствовали при взятии крепости до самых сумерек. Там случилось несчастье. Из числа моих соучеников Степан Чернышов стоял с банником, а брат его Борис, не сказав ему, чтобы посторонился, выстрелил из пушки, от чего Степану опалило лицо порохом, так что едва через несколько недель уничтожились на лице порошины посредством промазывания сметаною. Я стоял все время близь пушки, подавая снаряды, оглох было также на несколько недель.

Не помню, в этом ли году или прежде случилось, что определенный прежде в училище, по повелению губернатора единственно из сожаления из числа взятых в Липцах духоборцев мальчик по прозванию Логвин, был отпущен экономом на вакационное время в дом его родственников в надежде, что он уже выучил катехизис, оставил ересь своих родителей и непременно вернётся в училище, но эта надежда не сбылась. Логвин не явился на срок, а гораздо позже, услышав, что он в

остроге, некоторые ученики ходили к нему и упрекали его в сделанной глупости тогда, когда он сам в разговорах неоднократно издевался над своими земляками в слепом их заблуждении. „Что ж, - отвечал он, - я притворялся с вами. Отец мой и брат сосланы за веру, и я хочу жить вместе с ними”. Вот как сильно вкоренились в невежественных умах черни суеверие и как трудно его истреблять. И теперь в Таврической губернии при Молочных Водах находятся обширные селения духоборцев, где нет ни церквей, ни священников, а хитрейшие между ними и грамотные сами отправляют духовные должности и поддерживают их ересь. Без личных их корыстных выгод этого не могло быть.

Летом 1796 года приехал в Харьков, вновь назначенный на эту и Воронежскую губернии генерал-губернатор, генерал-поручик Андрей Яковлевич Леванидов. С ним приехал регент Ведель, славный композитор, капельмейстер Цихе и несколько певчих, в числе которых был Петр Турченинов (бывший потом в Петербурге протоиереем при больнице бедных на Литейной, сочинитель трёхголосного пения канонов). Губернатор захотел вымостить улицы Харькова, как нет вблизи дикого камня, то хотя бы фашинником. На этот предмет не было в думе денег, он велел обложить жителей соразмерно числу квадратных сажень занимаемых ими дворов. Я и другие старшие ученики были посланы для измерения дворов. Губернский землемер и директор классов Г. Б. Буксгевдень объявили, что они не могут заплатить за свой обширный двор и сад за Лопанью, в Дмитриевском приходе (где и теперь, кажется, помещается пансион), основываясь на указе, что без Высочайшей власти никто не вправе налагать налоги. Губернатор сначала велел ему подать в отставку от должности губернского землемера, а на место был определён харьковский уездный землемер Николай Данилович Драгомир. Не довольствуясь тем, стал взыскивать с Буксгевдена и по училищу. От печали он заболел и вскоре умер. На его место

был определён Федор Иванович Кудрицкий, бывший его коадьюктором. В нижнем этаже дворца была утверждена чертёжная, куда собирались каждый день все уездные землемеры и губернский архитектор. Я и еще четыре старших ученика были прикомандированы для помощи в эту чертежную. Помню, что в это время приехал из Сум купец Бочаров и просил у дяди моего Петра Антоновича план на Николаевскую церковь. По назначению дяди я сделал набело план, по которому и теперь осталась в натуре та же колокольня, какая была назначена мною по сделанному мною плану.

Миколаївська церква

Губернатор Леванидов надеялся надолго остаться в своей должности, но 6 ноября того ж 1796 года скончалась императрица Екатерина, и счастье его совсем изменилось. Сначала был уничтожен пятитысячный корпус стрелков в Киевской губернии под его командованием, а потом и его генерал-губернаторство.

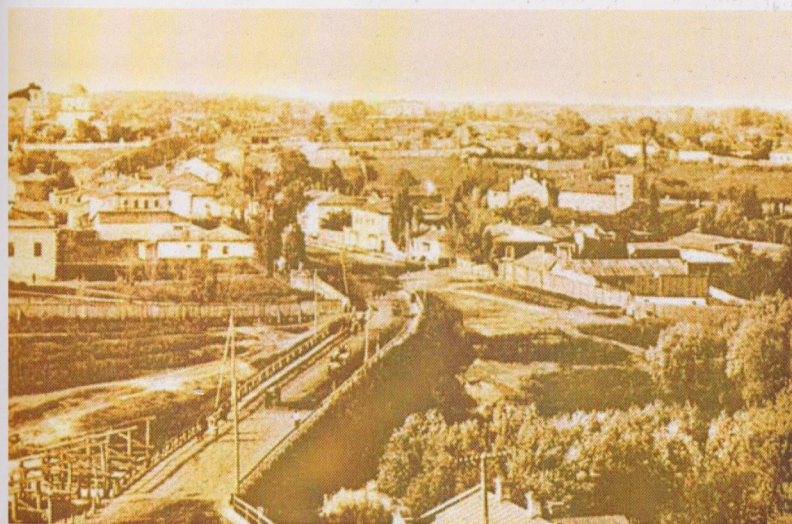
Ко всему своему несчастью, как и по большей части между людьми случается, он сам был причиною. Император Павел, будучи наследником престола, любил его и считал преданным себе, но Леванидов, оставив его, приласкался к фавориту Зубову и через него получил знатное имение, принадлежавшее волынскому бискупу, и генерал-губернаторство, а еще большую он сделал ошибку, что при отъезде из Петербурга не поехал в Гатчино проститься с наследником престола, и которому лично он мог объясниться и просить у него примирения. Так по большей части в свете случается, что мы сами бываем причиной своего несчастья. В тоже время на место губернатора Кишинского, бывшего под покровительством князя Потёмкина, определен в Харьков действительный статский советник Алексей Григорьевич Теплов, некогда путешествовавший с наследником престола по Европе. В 1797 году генерал-прокурор князь Алексей Борисович Куракин прислал этому губернатору высочайшее повеление о составлении плана Слободско-Украинской губернии с подробными камеральными, экономическими и статистическими описаниями всех городов, сел и деревень с их заведениями. В отделеке этого атласа вместе с землемерами участвовал и я с четырьмя моими старшими соучениками. 14 декабря этого 1797 года я был вовсе из училища уволен и того же числа причислен в губернское правление с произведением в канцеляристы. По докладу князя Куракина землемеры были пожалованы двойными чинами, а я со своими товарищами за участие в изготовлении атласа произведены по именному указу 1798 года, апреля месяца коллежским регистратором.

Летом этого года приезжал я в город Сумы с землемером Алексеем Михайловичем Рязановым, где делал план для построения здания полиции, но по приезде моем в 1835 году уже на месте здания увидел каменный двухэтажный дом уездного училища.

На місці колишньої жіночої гімназії був будинок повітового училища, який знесли при будівництві гімназії, а до будівництва будинку повітового училища ділянка була відведена під будинок поліції

Будинок поліції збудували ліворуч за Псарьовським мостом

Часто бывал у городничего Ивана Федоровича Богдановича, который меня полюбил и дал для прочтения мне книги. По возвращении я был прикомандирован в канцелярию губернатора А. Г. Теплова. Этот губернатор за что-то не поладил с вице-губернатором Григорием Романовичем Шидловским и, по доносам о злоупотреблениях казенной палаты, он и все члены были удалены от должности. При переводе его губернатором в Киевскую губернию я получил от него хороший аттестат, весьма послуживший мне в пользу при определении меня в 1806 году в государственный адмиралтейский департамент.

Иван Федорович Богданович приглашал меня письмом для обучения сына Федора, воспитывавшегося у генеральши Прасковьи Михайловны Штеричевой в Басах, предлагая мне жалованья в год по 200 рублей ассигнациями, на что я охотно согласился, тем более, что до сего времени из губернского правления я денег вовсе не получал.

Иван Федорович Богданович, был родной брат известного стихотворца Ипполита Богдановича. Сам Иван Федорович написал и издал следующие книги: „О воспитании юношества“, М., 1807 г. „Слово похвальное царю Иоанну Васильевичу IV“, М., 1809 г. „Грамматика российская в пользу поляков“, Вильно, 1809 г. За Ипполита Богдановича я рассказал в своей книжке „История прессы и журналистики“, Сумы, 2009 г.

При докладе о сем Н. Д. Драгомира губернатору Петру Федоровичу Сабурову он сказал „Зачем молодому человеку терять службу“. Он дал предложение о переводе меня в Сумскую городскую полицию 1799 года апреля месяца. В этом случае я видел ясно благодетельный Божеский промысел руководивший меня к земному счастью и к постепенному возвышению моей участи. Помню, что ехал я во время половодья с почтальоном, которому губернский почтмейстер, по просьбе моего дяди Петра Антоновича, велел привезти меня в Сумы, хотя в то время было получено строжайшее повеление отнюдь не брать седоков почтальонами, везущими почту по случаю потери почты во Владимирской губернии почтальоном, что взял седока. У меня в

то время и на хлеб денег не доставало, следовательно, я не мог приехать в Сумы. По приезде в Ахтырку, пока почтмейстер разбирает почту, я пошел к дяде отцу протоиерею Ивану Антоновичу Ярославскому, но он меня принял весьма сухо, между тем как его сын Петр (*Петро Ярославський в Сумському повітовому училищі викладав математику*), бывши учителем в Сумах, по прошествии нескольких лет взял у меня астрорябию и не возвратил её.

*Покровська церква в Охтирці,
де служив Іван Антонович
Ярославський*

Также по счастью случилось, что я, приехавши в Басы на святой неделе, застал еще там Александра Александровича Палицына с женою его Авдотьей Александровною. Он, узнавши, что я родной племянник губернского архитектора, и что я занимаюсь архитектурой, просил Прасковью Михайловну непременно отпускать меня к нему в Поповку каждый месяц. На что она и дала ему обещание. В первый мой приезд я застал его сильно страдающего головной болью от гемороедов. Слыша тяжкие и мучительные стоны его, я прослезился. После, спустя долгое время, жена его Авдотья Александровна припомнила мне, что слезное моё участие в болезни её мужа заставило его с того времени полюбить меня.

Живя в Басах, в те годы приятно было прохаживаться в город Сумы. Плотины с обеих сторон осеяны были вербами, а по лугам росли цветы: ландыши, незабудки и другие. Река Псёл текла гораздо шире теперешнего подле города. За нею не было вовсе жилищ и огорож, обративших её главное течение около

Пришиба, ни бань над Сумкою. Тогда простолюдины были учтивее и почтительнее нынешнего, перед старшими снимали шапки и кланялись, молодые люди не ходили так, как теперь за руки и, идя сами по сухому пути, не принуждали других идти по грязи.

Прасковья Михайловна Штеричева была весьма набожная, основательного ума дама и примерная хозяйка. По смерти своего мужа генерал-майора Штерича, она, уступая пасынку своему следуемую ей седьмую часть недвижимого имущества в Екатеринославской губернии за 40 000 рублей ассигнациями, приехала в Басы, доставшиеся ей по разделу с братьями Донец-Захаржевскими. Здесь, по плану Палицына, построили каменный дом существующий и теперь, но только в запустении. В верхнем этаже, вместо назначенных комнат, с разрешения Святейшего Синода, она устроила домовую церковь, чтобы крестьяне её не затруднялись ходить в город для выполнения духовных треб. Также были построены два каменных флигеля, оранжерея, двор огражден решеткой и все деревянные службы были на заднем дворе. Возле дома был заведен обширный цветник и фруктовый сад, место которого теперь занимают дикие деревья. В то время там жил наёмный священник, почтенный старик, которого нередко заставлял я читать правило или духовные беседы, изданные при Синоде, а также был регент, учивший домашних певчих. Прасковья Михайловна непременно каждый день бывала у заутрени, потом молилась Богу, выслушивала обедню, после которой пила уже чай, а вечером бывала на вечерни, толковала со священником о разных текстах Евангелия и посланий Апостольских. Нередко заставляла меня читать Бюффову натуральную историю и созерцание природы Боннета. Вообще она любила читать основательные книги. После вечернего чая выходила в сад, выслушивала донесения приказчика и атамана о сделанных работах и давала им приказания о хозяйственных поделках на следующий день. Таким строгим порядком имение

её было благоустроено, мельницы её были тогда лучшие в окрестности, было обширное пчеловодство в Басах и Штеповке. Каждый год она ездила в последнюю, куда и меня з собой брала для личного её присутствия при битье пчел и осмотра собранного хлеба. Имея большие, по тогдашнему времени деньги она давала в заём Марку Медведеву и другим надежным купцам. Первому уступила в городе фруктовый сад, где теперь находится дом Псарёва, что строился по плану А. А. Палицына. В саду виде беседки колокольня на каменных столбах, которая к удивлению моему и теперь еще в целостности существует, вероятно, оттого, что в столбы мною вставлены были железные штыри, связанные вверху и внизу, а притом и кирпич для них был делан по кружалу жженый, а не наливной.

Цей будинок і це місце пізніше перейшло у власність купця Овчарова. Про ці стовпи недолугі краєзнавці пишуть, що вони поставлені на місці олтаря старої дерев'яної церкви. Тепер ви розумієте, що то були за стовпи. Залишки стовпів на подвір'ї існували, до моменту зносу

колишнього будинку Медведева-Псарьова-Овчарова і будівництва на цьому місці будинку профспілок.

Также я чертил набело план, по проекту Александра Александровича, для построения в Штеповке пятикупольной круглой церкви, в которой каменный свод сведен между стенами на 6 сажнях. Построение этой церкви, вероятно, стоит Прасковье Михайловне более 40 тысяч ассигнациями.

Я учил в Басах русской грамоте и писанию, священной истории и арифметике не только сына Ивана Федоровича Богдановича, еще Надежду Андреевну, дочь Андрея Михайловича Донец-Захаржевского. Учил я и сына лекаря Груницкого, имевшего дом, аптеку и обширный сад, где теперь живет лекарь Белецкий.

Летом 1801 года Прасковья Михайловна ездила в Константиновку, лежащую вблизи Хорошевского монастыря, к брату своему Андрею Михайловичу и я туда ездил с ней. Мы ехали через с. Старое, останавливались у вдовы Кондратьевой, имевшей 4 сыновей и 3 в зрелых годах дочерей. Потом были в Никитовке у вдовы Коновницыной, которой муж в царствование Екатерины был губернатором в Петербурге. Он построил в своём селе Каплуновке, где находится чудотворный образ Матеры Божией, огромную пятикупольную церковь точно такой же величины какая была построена по плану придворного архитектора Камерона в г. Софии возле царского села. В этой церкви служил известный протоиерей отец Андрей Сомборский. Сын Коновницына Петр Петрович был генерал-майор и жил тогда в отставке. Он имел обширную библиотеку, в которой я спал и имел возможность с ним беседовать. Он оплатил визит Прасковьи Михайловны и приезжал в Басы. Я имел честь долго с ним беседовать, как с человеком высшего образования. Потом он поступил на службу и в знаменитую компанию 1812 года при фельдмаршале Кутузове был начальником штаба, а после - военным министром.

Під час бою під Бородіно, після смертельного поранення Багратіона П. П. Коновніцин прийняв на себе командування лівим флангом. Становище було критичне і тільки взяті з резерву Сумський і Маріупольський полки ліквідували прорив французів на лівому фланзі.

При нас в Тростянце Анастасия Николаевна Надаржинская носила монашеское платье. Помню, что при служении большой панахиды над горбом её мужа Алексея Филипповича старшего Надаржинского, ставлен был ею в церковной ограде мраморный монумент. Она горько плакала. Я глядел на её прекрасное лицо, подумал: „Вот как она горячо любит покойного мужа”. Сам заплакал, вспоминая, что в детстве моем я видывал его в церкви. Далее ехали мы мимо Каменки владения Надаржинских, где на

высокой горе, построена по плану А. А. Палицына, каменная превосходная церковь, которая видна по дороге из Ахтырки в Богодухов. Потом мы ехали через Янков Рог, взятый Анастасией Николаевной в виде седьмой части из имения Надаржинских, где построены на Ворскле превосходные механические мельницы, поднимаемые во время половодья. Ночевали мы в селе Старые Рябины Варлама Ильича Гиршева, женатого на дочери беловодского Савича. Прожил несколько дней в Старых Водолагах, имении генерала Дунина. Жена его была родная сестра жены Антона Михайловича Донец-Захаржевского (дочь Норова, бывшего давно в Харькове губернатором и владеющего селцом Григоривкою на Холодной горе). Помню, что дочь Дуниной была именинница, подносила за обедом шампанское для питья за её здоровье, а я не взял бокал потому, что тогда я вовсе не пил. Дунина сказала, как можно не пить за здоровье? Верно, она почла меня сущим невеждою. Дунина достигла глубокой старости. При похоронах её говорил над гробом слово архиепископ Филарет, как видно из его сочинений. В Константиновке мы прожили с месяц и возвратились в Басы почти по той же дороге, на которой нам не случилось ничего особенного, кроме того, что были в Никитовке у вдовы Кановницыной.

Вскоре по возвращении, мне признаться, как молодому человеку, ищущему больше свободы и известности, наскучило жить по-монастырски, и притом, чувствуя себе цену, я все стремился к чему-то высшему, и я просил уволить меня. Иван Федорович Богданович согласился потому, что остался еще учитель французского языка, Любим Иванович. Он был большой мастер в разведении дынь и арбузов, цветы которых иногда толковал и указывал мне мужские и женские роды.

Едучи в Харьков, по внушению благого промысла, я рассудил заехать в Поповку и проститься с Палицыным. Он удержал меня на несколько дней, пока жена, предобрая старушка, дошла

записную книжку мне на память. Она была большая мастерица вышивать шелками не только цветы, но целые ландшафты и картины. Одну из них выпросил у неё известный Василий Назарович Каразин для поднесения императрице Марии Федоровне, как любительнице таких картин (вероятно в то время, как он, Каразин, затеял ходатайство, о признании девицы законною дочерью Надаржинских).

Палицын спросил меня, к какой должности имею я надежду определиться? Я отвечал, что не имею никакой верной надежды, а какая мне встретится. Он советовал мне искать место у старого друга Григория Романовича Шидловского, к которому написал рекомендательное письмо. Шидловский жил в Мерчике и редко приезжал в Харьков. По приезде туда вручил ему письмо и объявил, что хотел бы заниматься в его имении по части архитектуры и землемерства, как занимался прежде бывший уездный землемер Михаил Дмитриевич, меньший брат губернского землемера Драгомира. Он отвечал, что ему не нужен такой, а нужен для меньшего сына учитель. Соглашаясь на эту должность, я запросил 400 руб. ассигнациям, а он давал мне 300. В другой раз, пришедши к нему, застал у него моего дядюшку Петра Антоновича с планами. Видя ласковое его со мною обращение, он согласился и на выпрошенную мною цену.

Итак, 4 декабря 1801 г., в день великомученицы Варвары, увидел я в Мерчике Варвару Романовну Подгоричани, которую видел еще в детстве в Ахтырке рыдающую над мертвым мужем. Она всегда была ко мне ласкова, любила со мною беседовать и расспрашивать о жизни Штеричевой и Палицына и о других лицах и делах. Там застал я еще учителя французского языка Ивана Филипповича Вернета, того самого, который вызван был в Россию нашим знаменитым героем Александром Васильевичем Суворовым для иностранной корреспонденции и чтений ему историй о славных героях древних и новых. Вернет имел необыкновенную память и умение её сохранять. Бывало что-либо

ему понравиться и сразу пойдет всем рассказывать. Это тот самый Вернет, о котором упоминает архиепископ Филарет в описании Харьковской губернии, что он прихаживал за несколько верст в горах Валки для бесед с главным протоиереем Спесаревым. Письма Вернета, писанные к разным лицам, были печатаемы в Харьковском журнале „Молодык“. Он вскоре выехал из Мерчика, собравши значительную сумму денег, что и мне советовал, как необходимое средство для спокойной жизни в мире.

„Молодык“ виходив у 1843-1844 рр. Біографію Вернета подавав „Современник“ за 1847 р., де наголошувалося, що Вернет друкувався в „Українському віснику“ (1816-1818).

Я написал контракт с подрядчиком Добрыниным, который брался строить каменную церковь в Пархомовке для графини Подгоричани. Сын Григория Романовича Шидловского Федор почти не умел по-русски читать и писать, не знал не одной молитвы, и мне надобно было приучать его Богу молиться, что однако ж он беспрекословно всегда исполнял, а после того я учил его Священной Истории, арифметике и рисованию.

Вскоре поехали мы к Хрущову в Рясное, куда прежде был выписан из Москвы известный сочинитель и притом стихотворец майор Сергей Николаевич Глинка. Он не имел никакой основательной системы обучения. Все учение состояло для старших двух сыновей Александра и Петра только в чтении французских книг, любимых им, и в объяснении их красот, а для меньшего сына Константина в декламировании речей Гостомыса и Марфы Посадницы Новгородцам, чему начал учиться и сын Шидловского. Наконец, все это ему прискучило, и он захотел ехать в Москву, как и прежде каждый год ездил, и требовал денег. Хрущов отказал в них. Между ними произошла ссора, и он грозил донести правительству об утеснении им крестьян, работами денно и ночью на винокурном заводе. Уехал к Палицыну, чтобы от него ехать через Сумы и Москву. В этом

смятении Хрущов уговорил меня поехать вместе со старшими его сыновьями к А. А. Палицыну и просить его уговорить Глинку к возврату в Рясное, в чем мы и успели. Как Григорий Романович Шидловский приказывал мне уведомлять его обо всём, что случится касательно сына его, то я и уведомил его не только о способе учения Глинки, но и об этом происшествии. Григорий Романович по приезде в Славгород велел нам туда приехать и пригласил А. А. Палицына на назначенное число. Александр Александрович лично подтвердил ему справедливость моего донесения. Там они условились, чтобы для обучения его сына в Поповке пригласить другого сочинителя и стихотворца Евстафия Ивановича Станевича, приехавшего из Петербурга и жившего тогда в Низах. После этого прислали за нами экипаж, чтобы мы ехали в Пархомовку, где строилась церковь по проекту моего дяди. Признаться, что мне не понравилась форма купола и его освещение. Я отважился для того составить особый план и назначил внутри церкви хоры, что одобрено было Григорием Романовичем, а подрядчик находил выгодным. После мы поехали в Мерчик, где получили письмо от Богдановича (городничего в Сумах), что он представил меня в губернское правление к награждению следующим чином. По личной моей просьбе Н. Д. Драгомир, занимавшийся не только при прежних губернаторах, но и при тогдашнем, важнейшими в губернии делами, настоял о предоставлении в герольдию и меня вместе с прочими. 31 декабря того же 1802 года я был произведен губернским секретарём. Иван Федорович вызвал меня для объявления этого чина, сказал: „Подавай в отставку, ибо я уже увольняюсь от городской должности”. Вот как в те годы добрые люди мне благодетельствовали, и во всех их благодеяниях я вижу Божеский о мне промысел.

Летом 1802 года графиня В. Р. Подгоричани поехала с нами в Поповку к А. А. Палицыну, заехав прежде к Прасковье Михайловне Штеричевой в Басы. Помню, что Варваре

Романовне поутру очень хотелось пить кофе в пасеке и видеть лес, по которому проведены были дорожки в виде английского сада. Утро было туманное и весьма росистое. Напившись кофе стали прохаживаться. У Александра Александровича подверженного геморроидальным припадкам сделалось такое сильное кружение головы и обморок, что он едва не упал, если бы я не поддержал его. Авдотья Александровна побежала и принесла воды, выпивши несколько глотков воды, он очнулся и открыл глаза. Евстафий Иванович Станевич, узнав, что я учился французскому языку, советовал мне заниматься им, выписал для меня Томаса сочинения, из которых я перевел во время жития в Поповке речь французскому дофину, герцогу Бурбонскому, а потом речь Ж. Ж. Руссо: „Какая добродетель нужнее героям и каким героям недоставало этой добродетели” Евстафий Иванович каждый раз поправлял мои переводы и указывал мои ошибки.

Слова французские, которых я не знал, бывало, ходя по лесу, я старался запоминать, что немало труда мне стоило, тогда мне было около 25 лет. Также я чертил набело прожекты А. А. для разных построек помещикам, которые в том просили его, переписывал набело переведенный им роман „Новой Элоизы” первый том, для отсылки книгопродавцу Сопикову, печатавшему этот роман. Евстафий Иванович во время жития в Поповке успел перевести две поэмы стихами „Сельский житель” Делиля и „Ландшафты или опыты о сельской природе” Незай-Мариозия. Последний он посвятил Григорию Романовичу Шидловскому, хорошо наградившему его при отъезде в Петербург. А. А. Палицын в это время переводил две поэмы также стихами: „О садах” Делиля и „Времена года” Сен-Ламберта.

Осенью этого 1802 года приезжал в Харьков министр просвещения граф П. В. Завадовский для обозрения основанного там университета. Оттуда он ехал в свои имения в Черниговской губернии. Его сопровождал Григорий Романович Шидловский, видно, давно знакомый ему. Дорогой он сказал, что в Поповке

живет старый его сослуживец, бывший при фельдмаршале Румянцеве адъютантом А. А. Палицын. Он посетил его в пустынном жилище, обходился с ним совершенно по-дружески. Я также удостоился видеть этого маститого вельможу времен Великой Екатерины. Видны были еще на лице его румянец и приятность взоров, кротость и ласковость в обращении.

Своего часу Румянцев казав так: „Петя Завадовский был похож на Адониса, но с придурью, а Санька Безбородов умен, но любая жаба краше...”

Я каждый год ездил с сыном Григория Романовича к празднику Светлого Воскресения в Мерчик, где и говел на Страстной неделе, постничая. Как и в Поповке, во весь великий и другие посты, мы ели скоромную пищу. Е. И. Станевич неоднократно мне признавался, что он хотел бы оставить скучную для него должность учителя и ехать в Петербург, куда зовут его приятели. Зимой приехал в Поповку Григорий Романович проездом в Вязьму, где жила его единственная дочь в замужестве за полковником, бароном Ф. К. Корфом предобрым человеком с которым она, ссорясь, не умела ценить благородства его чувств.

Е. И. Станевич ездил тогда в Нежин к своей матери. Мне было неприятно, что Григорий Романович вовсе не занялся расспросом о сведениях в науках и хорошо ли учиться его сын, а только спросил у него: „Целы золотые часы и цепочка, чего он не носит их и достаточно ли у него платья”. Григорий Романович поехал к П. М. Штеричевой в Басы, оттуда прислал человека к А. А. Палицыну за какими-то сведениями. Я решился написать ему откровенное письмо (может быть, это я и глупо сделал), что Е. И. намерен ехать в Петербург, что А. А. только в отсутствие Е. И. по просьбе моей, поправляет переводы его сына, а не учит его ничему, как Г. Р. предполагал. Я говорил, что если хочет этот юноша что-либо знать, то пусть внимательно слушает наши ученые разговоры и старается их помнить, что я сам, видя, что

мои лета уходят, также хотел бы служить в коронной службе. Григорий Романович с неудовольствием уведомил Александра Александровича о содержании моего письма, отважился послать его. Я оправдывался только тем, что сам Г. Р. приказывал мне откровенно ему обо всем писать, что будет касаться его сына. Такое весьма неприятное для меня просвещение кончилось тем, что по возвращении из Вязьмы Г. Р. в феврале месяце 1804 года прислал за нами экипажи. В это время, к удивлению моему, я увидел совсем противное выражение чувств. Е. И., целуя меня, радовался, что теперь без препятствий может ехать в Петербург. Александр Александрович был доволен счастливою развязкой почти двухлетнего у него житья, тем более, что Г. Р. вовсе не объявил ему, что он будет платить за наше содержание. Даже Авдотья Александровна обрадовалась, что она не будет больше беспокоиться в нелегком, но дальнем житье от города, приискивая для стола продуктовых припасов. Я объявил Александру Александровичу, что намерен поехать в Полтаву и там искать землемерского места. Живя в Мерчике, случалось, что Надаржинская приехала туда в то время, когда Г. Р. целый день не было. Я один только в доме мог сидеть с нею и разговаривать. При разговоре она беспрестанно меня спрашивала о нравах, и поведении сына Григория Романовича и охотно ли он учиться. Я, по всегдашней моей откровенности и бесхитростной простоте, все рассказал ей по правде. Бывало, я обращаю разговор на её дела и положение, но она не отвечала, а спрашивала о жизни А. А. Палицына, и занимался ли он обучением сына Григория Романовича. На другой день, увидав некоторую холодность ко мне Григория Романовича сам себе сказал: „Вот как хитрые женщины все выведывают, а откровенные люди себя губят”. Григорий Романович был статный и красивый мужчина, среднего роста, тонкого изобретательного ума, находчивого во всех случившихся препятствиях и неприятностях, ласковый и обходительный он умел всякого привязать к себе. Удивительно,

что, бывши сам богат, из числа первейших помещиков в губернии, он женился на Маменовой, за которой хоть и взял приданного 800 душ, имение близ Тернов Сумского уезда, но она была простая, вовсе необразованная, невзрачная, капризная, ворчливая, подслеповатая и вовсе не занималась гостями. Всегда или одна, или с прислугою сидела в спальне. Старший сын был послан в Ригу на воспитание к какому-то профессору. Возвратившись оттуда, казалось, что имел дарование и острую память, он мог в мыслях помножить несколько чисел на три множителя и сказать бывало их произведение и тоже самое в их делении. Он учился играть на фортепиано, но когда попросили его сыграть, то он проиграл только пьесы, которые выучил в пансионе. Видно, он не имел склонностей к музыке или какой-нибудь науке, ни к какому занятию. Любил сидеть один, как нелюдим, и подвержен был падучей болезни. Не порадовал ничем отца своего, не вступил ни в какую службу и умер, едва достигши совершенных лет. Дочь — Катерина красивая и похожая на отца своего, но гордая, своенравная, никто, бывало, ей не угодит, всегда недовольная и бранчивая с прислугою. В жизни причинила она много горя отцу и даже при смерти.

Григорий Романович был в свое время самый блистательный помещик губернии. Служа несколько курсов губернским предводителем дворянства, а потом вице-губернатором в царствование императрицы Екатерины, он привык давать великолепные и пышные обеды, балы и вечеринки. Столовый сервиз для них был подаваемый весь серебряный: суповые великолепные чашки, соусники, блюда, ножи и вилки; хрустальные доски, обычно на столах употребляемы были засыпаны цветным песком символизирующим ландшафты. Когда он был вице-губернатором при губернаторе Кишинском, бывало к последнему соберется много губернских помещиков и дворян, то он, подойдя к Григорию Романовичу, скажет ему на ухо: „Гостей довольно, а кормить их нечем. У меня обед готов только

для моего семейства". Григорий Романович или пригласит всех гостей к себе, когда еще время не сблизилось к обеду, где могут гости заняться играми в карты, пока приготовят кушанье, когда же настанет время обеда, то велит принести кушанье из своей кухни, как он жил в казенном доме через улицу, где теперь находится университетская обсерватория. В старом Мерчике он выстроил огромный двухэтажный дом на высоком цоколе, где помещались печи и от них нагревались стены зала и гостиной в два света с хорами для музыкантов. Напротив был каменный двухэтажный флигель для кухни и прислуги. Еще было два каменных флигеля один для приезжих гостей, а другой для дворецкого. На заднем дворе была каменная конюшня и сарай, а в саду помещался каменный манеж, беседка, резервуар и ротонда в виде круглого храма со сводами. А верху, бывало, играет музыка, а внизу в прохладе отдыхают посетители. Все домашние и садовые постройки обнесены каменной оградой. Сверх того и на селе были построены два каменных двухэтажных дома, один для жителя священнику, а другой – арендатору. Все эти здания были строены по планам А. А. Палицына. Имение Григория Романовича было благоустроено, крестьянские дома все были чисты и обгорожены. Из его науки и опытности вышли два замечательных человека: Хлустин и Виталий Сурдина. Первый был сначала у брата его Михаила Романовича денщиком, потом у него надсмотрщиком при постройках в приюте материала. Видя его удивительную расчетливость, отдал ему свои имения в аренду. Условия этой аренды были весьма благодетельны для его крестьян. Арендатор вовсе не имел права касаться к собственным их землям и заставлять их работать вместо 3-х дней в неделю, положенных законом, только два дня. Он должен был пользоваться собственно принадлежавшими помещику землями, полями, сенокосами, лесами, доставляя из них условленное количество для дома хлеба, сена и дров и платя положенную суму денег. Не было случая, чтобы крестьяне жаловались на

арендатора. Он сам, сделался так богат, что купил себе сто душ, купивши себе прежде патент в Военной коллегии на чин поручика. Другой – Виталий Сурдина, был скрипач и играл тихо, как будто под сурдиной. Как Григорий Романович по должностям своим нередко выезжал в Петербург, то он брал с собою и его. В последний раз он воспользовался этой поездкой, заплатил в Военной коллегии 500 рублей. По возвращении получен был по почте патент с надписью на конверте: „Капитану Василию Сурдине”. Искали по целому городу другого Сурдину и никак не могли найти. По расспросам почтмейстер узнал, что есть у Григория Романовича музыкант, его крестьянин этой фамилии. Он принес патент к Григорию Романовичу и отдал ему. Другой человек мог бы разорвать патент, тем бы дело и кончилось, и данные в Военную коллегию деньги пропали бы, но Григорий Романович был так добр, что не сделал этого. Однажды он сказал: „Виталий, пойдем на конюшню посмотрим лошадей”. Виталий, видно, знал для чего барин зовет его в конюшню и отвечал ему: „Я не знаток в лошадях”. По приходе в конюшню, велел раздеть его и высесть розгами, но за то, что, намереваясь купить себе чин, прежде не просил у него на то позволения. Потом вручил ему патент на капитанский чин. Впоследствии времени сделал его арендатором имения сестры своей графини Варвары Романовны Подгоричани, отчего Сурдина обогатился и купил себе деревню. Вот каковы в прежние времена, по милости Военной коллегии, были военные чины.

Поживя некоторое время в Мерчике, Григорий Романович отдал своего сына в Харьков в пансионат. Посылая к Палицыну деньги, он позвал меня и сказал: „Вот я посылаю ему 1 000 рублей, может, это и много”. Я осмелился отвечать ему: „Вам известно, что он не богатый человек, а для вас эти деньги мало стоят”. Обо мне писал Григорий Романович рекомендательное письмо Малороссийскому генерал-губернатору князю Алексею Борисовичу Куракину и губернскому предводителю дворянства

Василию Кочубею. Александр Александрович также писал обо мне к известному сочинителю Василию Васильевичу Капнисту, которого я не застал в Полтаве, и к бывшему своему ученику Антону Ивановичу Кардашевскому, полагая, что он там служит губернским архитектором, но он тогда служил в Чернигове. Генерал-губернатор весьма ласково меня принял, что показывало мне хорошее его расположение к Григорию Романовичу, тоже и губернский предводитель. Князь спросил меня, а в какой должности я хочу служить. Я отвечал, что в архитектурной или землемерской. Он сказал мне, что архитектор есть (архитектор был Абросимов, а его жена англичанка хорошо рисовала и оформляла планы), а вот в отношении землемерской должности решил проэкзаменовать меня. Я, однако ж, в воскресные дни хаживал к генерал-губернатору, у которого всегда заставал много чиновников и просителей. Помню, что однажды он рассказывал, что здешние помещики тяготеют обсадкою деревьями почтовых дорог на своих участках земли. А я помню слова фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского, который говорил, что во время турецкой войны в обширных степях, как увидишь, бывало, дерево и можешь отдохнуть под тенью его, то обрадуешься так, будто бы увидел лучшего своего друга. Делая в чертежной данные мне землемерские планы, я слышал жалобы уездных землемеров на тягостную их службу, что занимаются проводкою дорог и обсадкою их деревьями, не имея ни спокойного ночлега, ни достаточной пищи, и что напоследок им придется подавать в отставку. Я подумал, что здешнее служение в землемерской не кладь для меня. Губернский землемер, проэкзаменовав меня, в знании межевания по астролябии и о том донес князю. Когда я явился к нему, то он сказал мне, что в Полтавской губернии теперь нет землемерской вакансии, а есть в Нежине, если хотите служить там, то я напишу тамошнему губернатору. Я отвечал, что мне было бы лестно служить в виду Вашего Сиятельства, а теперь позвольте возвратиться мне в Харьков. Он спросил меня, а

где меня искать, если откроется вакансия. Я отвечал, что если Григорий Романович Шидловский получит о том известие, то я тот час приеду в Полтаву. На этом забота князя о моём определении закончилась.

Как Григорий Романович поместил уже своего сына в пансион, то, полагая, что я ему вовсе не нужен, при возвратном пути я не заехал к нему в Мерчик, что может статься, следовало дать ему отчет, как были приняты его письма, но какое-то тайное внушение меня отклонило, и я поехал в Харьков. Губернский предводитель В. М. Донец-Захаржевский при свидании со мною обрадовался и пригласил меня ехать в Бугайовку, где строился каменный двухэтажный дом по моему плану и куда я прежде с ним ездил. Там склонил он меня и брата его Петра остаться у последнего жить. На что я согласился так неосторожно, что не договорился вовсе с ним, на каком основании я буду у него жить. В июле месяце, к немалому удивлению, получил письмо от Григория Романовича с приложением копии к нему князя Куракина от 12 июля 1804 года следующего содержания: „Для покровительствуемого вами г-на губернского секретаря Ярославского открывается в землемеры вакансия, а потому покорно прошу вас, Милостивый государь, прошу приказать дать ему знать, что бы он сюда явился к определению. В сем случае беспокою вас по той причине, что неизвестно здесь жительство г-на Ярославского”. Я был в нерешительности, ехать ли в Полтаву или нет. Петр Михайлович стал уговаривать меня, чтобы я остался, и занялся воспитанием его сына (он имел сына от любовницы молдаванки, бывшей некогда красавицей), причем говорил мне лестные обещания, что у него 500 душ и 6 000 десятин земли, а наследников нет. Со временем он может меня наградить (по смерти все имение досталось сыну брата его Андрею Михайловичу). Петр Михайлович сам поехал со мною на Успенскую ярмарку. Я решил не ехать в Полтаву, по причине трудности тамошнего служения и как там земля не размежёваны,

то для землемеров не может быть занятий частным межеванием, следовательно, и никаких доходов. Нужно было ждать полгода утверждения Сенатом, а после этого только платили деньги. И так, я отказался от неё, что было Григорию Романовичу весьма неприятно.

Возвратясь в Бугаевку, я жил почти без всякого занятия; кроме того, что иногда ходил смотреть за постройкой домов В. М. (брат Петра Михайловича). Днем играли с хозяином на биллиарде, а вечером, непременно, с ним в дураки. От всегдашней праздности сам почувствовал расположение к ней, через что со временем сделался бы лентяем, и неспособным к делу. По счастью, случились со мною неприятности, которых я не мог перенести. Музыкант хозяина ехал на Покровскую ярмарку, и я с ним поехал. При свидании с В. М. в Харькове я не сказал, что совсем оставил Бугаевку, но только сказал, что еду в Поповку к Палицыну, что после того было ему крайне неприятно, как он выразился в письме своем, написанном мне от 3 ноября. Нанявши извозчика, я рассудил заехать в Мерчик к Григорию Романовичу, но у него гостили тогда дамы, и я в дорожном платье не смел к нему явиться и беспокоить рассказом о своих обстоятельствах. Переночевали у дворецкого, по настоянию извозчика, и выехали.

Александр Александрович весьма обрадовался моему приезду, особенно, я думаю, потому, что в это время у него не было помощника для черчения набело его проектов на строения разным знакомым ему помещикам, как прежде бывало, что живали у него по два и по три, которые обязаны были ему своим образованием. Мы по обыкновению гуляли по лесу, подчищали молодые деревья, увеселялись прыжками белок и разных птичек.

Мы беседовали об архитектуре, литературе, живописи. Он рассказывал мне разные анекдоты о знаменитых писателях и их произведениях. Память у него была обширная, грудь крепкая, голос громкий, красноречие необыкновенное. Он имел большое искусство разнообразить предметы разговоров, чтобы не утомить

слушателя. Было, если приедет к нему соседний помещик занимающийся винокурением или земледелием, то он не станет с ним вести научные беседы, а только о занятиях. Жаль только, что он был холоден к обрядам христианской религии, но, впрочем, я никогда от него не слышал, чтобы он невыгодно отзывался о ней или издевался над её приверженцами. В это время я сделал по его проекту чертежи для увеличения каменной церкви и сделания в ней нового иконостаса в селе Мерчик. А. А., посылая Григорию Романовичу планы, объяснил в письме, что я их делал. Он прислал мне 150 рублей, вероятно вспомнив, что он мне при отъезде в Полтаву дал только 50 рублей, а Е. И. Станевичу 1 000 рублей. В признательность за такую награду Станевич посвятил переведенную им в Поповке „О садах“, как выше сказано. После смерти в 1802 году знаменитого нашего стихотворца Иполита Федоровича Богдановича, творца „Душеньки“, Станевич писал к А. А., что его благодетель вице-адмирал Шишков желал бы напечатать его (т. е. Богдановича) стихотворения, если остались такие, которые не были прежде напечатаны. По сему случаю я был несколько раз у брата покойного, Ивана Федоровича Богдановича, бывшего городничим в Сумах, разбирал все его бумаги, некоторые мелкие стихотворения, списанные мною, но все они оказались напечатанными в издаваемых мною журналах.

Про Иполита Федоровича Богдановича я розповів у своїй книжці „Історія преси и журналістики“. Ось фрагмент з неї.

Певний вклад в розвиток російської журналістики зробив сумчанин Іполит Федорович Богданович. Спочатку Богданович став членом гуртка молодих літераторів, який існував біля журналу „Полезное увеселение“ видавцем якого був Михайло Матвійович Херасков. Там він отримав основи своєї літературної творчості.

У 1763 р. Богданович став редактором журналу „Невинное упражнение“, що видавався за сприяння подруги Катерини II, президента Академії Наук К. Р. Дашкової. З 1769 р. Богдановича став видавати свій журнал „Собрание новостей“ і редагував газету „Санкт-Петербургские ведомости“, яка видавалась при Академії Наук.

На початку 80-х років академічна конференція, за порадою Катерини II, вирішила відсторонити Богдановича за помилки при наборі. Реальною причиною був зв'язок між Богдановичем і Паніним. Панін розробив закон про обмеження прав монарха дворянською конституцією. Богданович не був критиком монархії і написав поему „Душечка”, де були комплементи імператриці. Він писав багато жартів, пісень, іділій, загадок. За це він постійно отримував від Катерини нагороди каблучками, табакерками, грошима „на заплату долгов”.

Беспокоясь постоянно, чтобы иметь постоянное и надежное место, я просил А. А. рекомендовать меня к богатому помещику, тайному советнику Михаилу Ивановичу Комбурлею для занятий по части архитектуры и землемерства. Он дал мне рекомендательное письмо и лошадей. М. И. Комбурлей (*тепер пишуть Камбурлей*) уважал Александра Александровича, по планам которого были построены в с. Хотени большая каменная оранжерея, конюшня и целая улица деревянных сельских домов для музыкантов, певчих и домашней прислуги. По приезде в Хотень, Комбурлей ласково

принял меня, только не соглашался дать мне жалованья 500 руб. ассигнациями. Наконец согласился и сказал мне, что он по первой санной дороге поедет в Москву, и меня с собою возьмёт, а потому чтобы я поспешил взять свои вещи и приехать в Хотень к тому времени. После Николаева дня я

с. Хотень.
Палац Михайла Івановича Камбурлея.

поехал с его человеком вперед для заготовления ему до Москвы лошадей. В Курске мы остановились в доме надворного советника Страмилихи, бабушки его жены Анны Андреевны. Там взял я у губернатора ему подорожную. Написал от имени его письма к Орловскому вице-губернатору и Тульскому губернатору, которых просил заготовить для него 15 лошадей. С

этими письмами я поехал вперед. Вице-губернатор, видно, служивший с ним, обещал исполнить его желание, но Тульский губернатор Иванов сказал мне, что проезд в Москву каждый день, бывает, велик, почтовых лошадей на станции мало, и все приезжающие нанимают вольных извозчиков. Я попытался на постоянных дворах нанимать их, но они запросили двойную цену. Я день и ночь ехал в большие морозы и метель, озяб, пообедавши на постоялом дворе, заснул крепко и спал так долго, что Михаил Иванович сам нанял в Туле вольных лошадей и выехал уже. Человек, разбудивший меня, сказал, что для нас лошади запряжены. Помню, в Серпуховке М. И. остановился ночевать, строго выговаривал мне, что не заготовил ему лошадей, и не принял моего оправдания. Оскорбляясь тем, я сказал ему (может быть, неосторожно), что если я неугоден ему, то прошу меня уволить, но добрая Анна Андреевна сказала ему: „Полно, полно, душенька“. И там, в первый раз, я ел стерляжью уху, сваренную с примесью вина.

В Москве М. И. остановился на Причестенке в собственном каменном доме, прежде принадлежавшем его теще, генеральше Елизавете Петровне Рахмановой. Я бегал по разным улицам, с большим любопытством останавливался против великолепных домов и церквей, рассматривая их с разных сторон. В воскресенье и праздничные дни хотел быть в некоторых церквях у обедни, но приходя к ним, везде видел церкви запертые, потому, что у них служились обедни ранние и только в Успенском соборе и некоторых других церквях и монастырях звонили к поздней обедне. Я несколько раз слушал её в этом соборе, прикладывался к чудотворному образу Владимирской Богоматери и к мощам митрополитов Петра, Ионны, Филипа, а в теплой церкви митрополита Алексея, узнавши, что в Голицынской больнице за рекою Москвою поют в церкви превосходные певчие (под дирекцией, кажется, известного Аникиева или Дегтярёва), я часто туда хаживал, хотя и далеко. Хоры для них там сделаны под

самым куполом, и на них певчих не видно, только слышно пение, приятно раздающееся внизу церкви. Прекрасный бюст белого мрамора на высоком пьедестале стоит в ней покойного кн. Голицына, бывшего посланником в Вене, который пожертвовал большой капитал для устройства и содержания больницы. Родной брат его, дряхлый старичёк, всегда бывал у обедни. Больница построена в два этажа на высоком цоколе, а в середине её находится церковь, расположенная так, что тяжелобольные могут слушать богослужения из коридоров через растворенные окна. С другой стороны во всю длину расположен обширный сад и огород. В первое воскресенье великого поста, по данному мне М. И. билету, я был на концерте в обширной круглой зале, где все лучшие московские музыканты, в том числе и наш Блюм, играл превосходную ораторию Гайдна „Сотворение мира“. Был я и в Большом театре, где играли тогда любимую публикой оперу Русалку, актриса Сандукова, представлявшая её роль, славившаяся при императрице Екатерине в придворном театре своим пением, и под сорок лет имела голос приятный, звонкий и игривый.

Катерина II влаштувала весілля своїх акторів Лізи Федорової і Сили Сандукова, бо секретар Безбородько почав плести біля Лізи інтриги. Так Ліза Федорова стала Сандукова.

Я обозревал университет, но на лекциях не удалось быть. Любовался строгим соблюдением правил орденов архитектуры здания Сената, постройки славного архитектора Баженова, а также дворцами Головинским и Слободским, последним рассказывают, что он принадлежал Безбородько. Император Павел, бывши в нем, увидев, что сад расположен на обширной равнине, где росли большие деревья, сказал: „Какой прекрасный был бы плац для учения войск“. В ту же ночь деревья были срублены. Вот как тонкие придворные умеют льстить прихотям Государей. Дом Пашкова архитектуры Козакова, ученика Баженова (теперь в нём помещается Публичная Библиотека),

расположен на возвышенном месте, которое придает ему немалую красоту, а сад расположен по скату, сказывают, в прежнее время был зверинец.

Михаил Иванович пригласил к себе на масленицу главнокомандующего Беклешова, знаменитую княгиню Е. Р. Дашкову и многих сенаторов на блины, а потом на катанье. При этом нарядных экипажей было довольно. На одном и я помещался с виртуозом Блюмом и доктором Иваном Евгеньевичем жившем в доме Михаила Ивановича. Помню, что за рекою, когда экипажи поравнялись против старого деревянного дома известного графа Орлова-Чесменского, то он выехал из двора на сером в яблоках жеребце, сам правил им и кланялся катающимся. Тогда уже таял снег на улицах.

На второй неделе появился холодный северный ветер с метелью, и мы возвратились на Украину по санной дороге.

В мае месяце приехал из Петербурга Николай Федорович Альферов, лучший из учеников А. А. Палицына, которому по смерти своей оставил в наследство свою деревню Поповку. Отсюда приехал он в Хотень, где занялся черчением плана для построения каменной церкви в селе Большой Бобрик Елизаветы Петровны Рахмановой. В составлении этого плана он уже следовал вкусу архитектуры А. А., но городскому. Однако ж в пятидесятых роках, бывши в Бобрике, я видел в натуре построенную церковь совсем по иному плану, говорят, какого то итальянца. Н. Ф. Альферов предполагал ехать за границу. Ему необходимы были деньги, а их у него было весьма мало, и отец его не в состоянии был ему пособить. При малых деньгах, какие мог собрать, он достиг Константинополя. Когда приготовилась война с Россией, то спасая свою жизнь, он ушел в Грецию, а оттуда поехал в Италию. Долго жил в Риме и возвратился через Францию, Германию, Пруссию в Россию уже в 1811 году. Он правду мне сказал, что производимые в Хотени постройки под моим надзором не сделают мне чести. Собственные крестьяне

каменщики, плотники, штукатуры, нигде не учившиеся, не могут хорошо сделать. Да и постройки были только каменная теплица и деревянный флигель для житья в одной половине виртуозу Блюму, а в другой – мне с механиком Шмидтом. Вновь была перекрыта железом церковь, на фонаре которой вместо осьмирека я сделал купол. По указанию механика сделал план для построения каменной и ветряной мельниц, да под осень ездил в Курскую губернию для измерения чересполосных участков земли принадлежащих М. И., и сделал им план. Вот и все мои работы. Я по большей части читал свои книги и переводил из них.

Жить в Хотени было весело. Часто играли музыки скрипичные, духовые, а иногда роговые, доставшиеся М. И. от Василя Степановича Попова, правителя канцелярии светлейшего князя Потемкина-Таврического, а сверх того певческая, в которой были две девицы, певавшие арии. Кроме Блюма был капельмейстер музыки, а другой пения француз-повар готовил вкусные и роскошные блюда, при том М. И. любил пить и хорошее вино. Часто к нему приезжали полковые офицеры Сумского гусарского полка, квартировавшие тогда в Сумах. В сентябре родилась ему дочь, названная Елизаветою. Она была тогда только одна, потому что сын Иван, рожденный прежде, в младенчестве умер. Тут то было веселья и празднества при крестинах! Эта дочь по возрасту была выдана за генерала Бутурлина, известного описателя войны 1812 г. За нею в приданое даны ему были Хотень со всеми близлежащими деревнями. При подарках всем, живущим у М. И., и мне достались серебряные часы, бывшие у меня даже в Сумах. Живший со мной в одной комнате отставной майор рассказывал о великих, необыкновенных хитростях М. И., употребленных им для успеха в женитьбы на Анне Андреевне. Она родилась по смерти своего отца Андрея Кондратьева в Курске в доме бабушки своей Страмилихи, бывшей опекунши всего её имения и где всегда жила её мать Е. П. Рахманова. При достижении совершеннолетия, за нею присватывались молодые женихи,

сыновья графов и князей, но М. И., бывши уже под сорок лет, отбил у них эту богатую невесту. В царствование императора Павла он был губернатором в Курске, вознамерясь жениться на ней. Он давал частые роскошные угощения обедами, вечеринками, балами. Музыка была с ними всегда и в Курске, и он был её любитель. О своем замысле он уведомил графа Александра Безбородько, с которым он был в великой дружбе по волокитству. В зимнее время завел послеобеденное катание. Поехавши по губернии для обозрения присутственных мест, он имел неосторожность взять с собою и нескольких музыкантов для увеселения дворян. Кто-то из его недоброхотов донес государю, что губернатор объезжая губернию, поручил своему секретарю ревизовать дела по присутственным местам, а сам увеселяет своих дворян музыкою. Государь, при докладе о сем, велел приготовить указ об удалении курского губернатора. Безбородько прислал ему фельдъегеря с уведомлением об этом роковом повелении, и чтобы он поспешил своею женитьбою на богатой невесте, что может придержать указ день, другой, но не долее. М. И. не упуская времени, приглашая гостей к себе на катание, сажает с собою Анну Андреевну, объясняется её в любви и получает от неё согласие выйти за него замуж. На другой день поутру приезжает к её бабушке, просит лично в кабинет для личного объяснения, открывается ей в любви к её внучке и в желании жениться на ней. Чтобы избежать затруднений в решительном ответе он приглашает её мать, а мать посылается на совершеннолетие дочери и её праве решать. М. И. такой ответ и был нужен. Войдя в гостиную и подойдя к Анне Андреевне, страстно её целует руку и объясняется в страстной любви. Анна Андреевна соглашается. Тогда бабушка ахнула, мать ахнула. М. И. первую попросил в кабинет для объяснения и спросил, что ей нужно. Она отвечала: „Я опекунша имения моей внучки с самого малолетства, женщина малограмотная, имения осматривать не ездила, всегдашний Любченко по своему

желанию показывал мне доходы. Вы, сделавшись мужем моей внучки, может, потребуете строгих отчетов за эти годы?". М. И. клятвенно уверил её, что ни он, ни его жена не будут требовать отчетов о доходах.

- Теперь согласны ли Вы?

- Да вот, М. И., деревенька под Курском с водяною мельницею, где для дому кормились скот и птица, она впредь необходима будет для моего дома.

- Эта деревня ваша. Ну, теперь согласны ли Вы?

Получив ответ о её согласии, попросил в кабинет также матушку.

- Что вам нужно?

Она отвечала, что седьмую часть имения давно ей выделено в с. Бобрике 1000 душ, а теперь на седьмую долю по числу крестьянского имения следует 1200 душ с землёю. Он клятвенно уверил её, что эти 200 душ будут ей прибавлены.

- Теперь согласны Вы?

Она отвечала, что от другого покойного мужа остался в Москве каменный дом и в нем никто не живет. Дом ей совсем не нужен и кроме городской повинности никакого доходу не приносит.

- Чего этот дом стоит?

- Сорок тысяч ассигнациями.

- Я заплачу их Вам. Теперь согласны ли Вы?

Получив и от матери согласие, по настоянию его на следующий день они обвенчались и тогда же или на следующий день был получен указ из Сената об удалении его от должности губернатора. Любовницу свою, у которой от него было два сына, он утешил тем, что выдал её за майора Ковалинского и отделил ей от отцовского имения Херсонской губернии Александровского уезда, села Онуфриевка, лежащего за Кременчугом, 200 душ. С торжеством он приехал весною в 1800 году с женою своею в имение с 8 000 душ и несколькими десятками тысяч земли. Зажил здесь припеваючи и начал обустраивать в Хотени своё жилище и

хозяйственные заведения, а на зиму ездил веселиться в Москву. Анна Андреевна ни в какие его распоряжения не входила. В 1805 году он получил доход 120 тысяч, как по отчету значилось. Живя в Хотени, он и половины того дохода прожить не мог. Зато и он доставлял ей полное удовольствие, условившись с содержателями столичных иностранных магазинов, чтобы они присылали его жене каждый раз новые модные платья, шляпы, обувь и новые французские романы. Но М. И. не мог ценить нежность и привязанность супруги и нередко ей изменял, между тем, как она оставалась ему всегда верною. Кажется, что Комбурлей поступил гораздо умнее в сватовстве, чем Каразин, получив наперед согласие невесты. Все же сначала нужно узнать брод, а потом лезть в воду. Между тем как вообще полагают, что греки не так хитры, как армяне и что на двух греков достаточно одного армянина.

Другой пример тонкой хитрости ума и расчетливости. М.И. я был самовидцем. При мне приезжали всякие чиновники, славившиеся хорошим управлением больших имений. Я не знаю, сами ли они искали должности или были вызваны. Первый требовал жалованья 7 000 рублей, а другой 10 000 рублей ассигнациями. М. И. просил каждого из них объехать с Любченком, давнишним управителем и его крестьянином имения и сделать замечания, что нудно изменить или подправить. При этом принимал в расчет, что Любченку он платил 60 рублей, а если вздумает воровать, то он всегда сможет вернуть, а не так как у наемных управляющих. В таком намерении до самой смерти не отпустил, как говорят, на волю самого Любченка, а только его сына.

М. И. по обыкновению готовился ехать в Москву по первому санному пути и назначил майору ехать вперед для заготовления лошадей, а я должен был остаться в Хотени без всякого дела. Явившись к нему, я просил вовсе уволить меня, по причине отсутствия для меня работы и, что мне совестно получать от него

жалованье. На это он с ласковым видом отвечал мне, что он хочет, чтобы я жил у него, а он мне будет платить жалованье. Я не знаю в каком добром расположении он был ко мне, но мне, кажется, что он хотел выдать за меня свою племянницу Катерину Зоевну Афинжеевну, девушку без всякого образования, приехавшую из Нежина гречанку. Он сам заметил её сердечное ко мне расположение. Как он любил пошутить и посмеяться при всяком случае над кем бы то ни было, однажды за столом при всех сказал: „Что ты, Катенька, часто и умильно смотришь на В. И. ? Не влюбилась ли ты в него?“

По отъезде М. И. в Москву, поехал и я в Поповку к А. А. Там, по обыкновению, начал заниматься архитектурой и литературой, ходить по лесу уже было нельзя, и мы беседовали, ходя по комнатам. Перед праздником Рождества Христова с присланным из Хотени подводчиком неожиданно получаю письмо от М. И. Следующего содержания: „Я вознамерился перестроить свой дом в Москве для этого Вы нужны будете мне здесь для надзора за материалами и мастерами. Поспешите со своим приездом“.

А. А. сказал мне, что в Москве в Департаменте Сената служит обер-прокурором Боборькин, племянник его жены. Если хочу, то он напишет ему письмо и будет просить его доставить тебе место в коронной службе, когда ты не захочешь жить в партикулярной должности. Я согласился на это, и он действительно написал ему обо мне.

Забравши все свои вещи (даже астролябию, которая была у меня и в последующей службе необходима), я поехал и благополучно достиг Москвы. Молодой архитектор привозил план для перестройки дома М. И. с великолепной галереей коринфского ордена, а мне велел объехать и осмотреть в окрестностях Москвы кирпичные заводы и узнать цену кирпича, что я и выполнил. Однажды прихожу к М. И. и застаю у него обер-прокурора Боборькина, который по указанию М. И. обратился ко мне с объяснением, что ему пишет родственник

Александр Александрович Палицын и просит дать коронное место. Он поясняет, что кроме писца на 150 рублей в Сенате другого места нет. Об этом я уведомил А.А., который письмом от 10 февраля 1806 года предлагал мне тоже жалованье в его пустыне, где я найду непременно искренность, непритворную простоту и бескорыстную ко мне любовь. Это письмо было доставлено мне в Петербург гораздо позже, по приезде туда уже Анны Андреевны. Григорий Романович Шидловский приехал в Москву зимою 1805 года по своим делам. Был у М. И., с которым прежде он вовсе не был знаком. Увидев меня, кинулся обнимать и целовать. М. И. удивился его привязанности ко мне. Он пригласил меня к себе на квартиру, и я с ним ездил по городу и беседовал. Они друг другу не понравились, и как я потом слышал суждения о нем. М. И. Хрущов был должен 50 или 60 тысяч рублей Григорию Романовичу с залогом Степановки, Сумского уезда, и по убедительной Хрущова просьбе М. И. дал ему эту сумму и перевел на себя этот залог. М. И. и другое благодеяние Хрущову сделал. Министр внутренних дел Кочубей жаловался ему, что у него в Полтавской губернии винокурный завод в худом положении. М. И. рекомендовал ему Хрущова как лучшего винокура во всей Украине. В вознаграждение за его труды Кочубей постарался определить двух его сыновей в училище законоведения при Сенате, где вскоре они были пожалованы титулярными советниками, а потом прямо губернскими стряпчими в Волинскую губернию. Вот как бескорыстные вельможи благодетельствуют. М. И. захотел перестроить дом по той причине, что главнокомандующий Москвы Г. Беклешов представил его в губернаторы, но при докладе государь сказал, что Комбурлей это не русская фамилия и Москва не уважит его. Москве нужен столбовой дворянин с русской фамилией. Покровители из Петербурга советовали ему приехать и пожить там некоторое время пока откроется вакансия в той губернии, где он захочет служить. Я по просьбе М. И. приехал в Петербург

налегке. В дороге, сидя с ним в одной кибитке, а в другой — француз повар с кухонной посудой. Мы ехали день и ночь, морозы были большие, а я имел на себе только бекеш под калмыцким смушком, иногда дрожал от холода. М. И. заметивши это однажды сказал: „Что, В. И. и философия тебя не греет”. Я подумал: „Хорошо тебе, богач, сидеть в медвежьей шубе, но не смел это сказать ему”.

В Петербурге М. И. остановился в доме Василя Степановича Попова с видом на Неву, где никто не жил. Отыскав в верхнем этаже небольшую комнату, я заперся там. Сам приносил дрова и топил грубку, потому что с М. И. приехал только его камердинер, а с поваром его помощник. М. И. ни одного дня не обедал дома. Повар всегда мне отказывал в пище, будто бы и для себя он ничего не готовил. Искать обедов в трактирах я тогда еще не привык, да и боялся и поэтому питался всухомятку. Помню, что однажды вечером М. И. мне сказал: „Нас мало уважают на Украине, а вот теперь я еду к Михаилу Васильевичу Дашкову играть в карты и без меня бостон не состоится”.

Кого мав на увазі Михайло Васильович, що їх не поважають, росіяи, поміщиків чи іноземців важко сказати.

По счастью или по Божьему промыслу, в этом же обширном дворе Миллионной улице был другой дом, в верхнем этаже помещался Государственный Адмиралтейский Департамент, где при музее служил помощником директора мой лучший друг Евстафий Иванович Станевич. Он видел меня проходящего в ворота этого дома на Миллионной улице. Тотчас составил себе план, как и меня поместить в этот Департамент. Помня, что правитель канцелярии Департамента советник Никольский прежде сказывал ему свое сожаление, что его два малолетних сына прежде ходили учиться в немецкое училище, но, подмочив себе ноги, заболели, и теперь, оставаясь без учения, теряют бесполезно молодые свои лета, он предположил, что теперь их буду учить я, если буду определен в Департамент. Получив от

него согласие, прибегает ко мне и зовет меня в Музей. Там я увидел зятя Никольского, жившего некогда в Поповке, Моисея Григорьевича Ушинского. Попробовав меня, умею ли я извлекать из бумаг их содержание для доклада Присутствию, велел подать просьбу об определении меня в Департамент. Чтобы вернее успеть в том, Е. И. пригласил меня поехать с ним к первому члену Департамента вице-адмиралу Александру Семеновичу Шишкову. Я отказался, что не смею показываться ему в старом фраке. „Ничего, - сказал он, - ты увидишь, как он меня любит”. По приезду к нему, рекомендует меня, что я хороший его приятель, лучше родного брата, и просит определить меня в Департамент. Он спросил: „А есть ли вакансия?” Е. И. ответил: „Есть вакансия столоначальника по учебной части”. „Хорошо, сказал он, - я согласен его определить”. Е. И. спросил его, а когда он будет в Департаменте. „Я не совсем здоров”, - отвечал он. Е. И. просил сделать мне благодеяние, поехать и предложить об определении меня. Этот престарелый, почтеннейший вельможа согласился в тот же день поехать и предложить присутствию об определении меня. Третий член, действительный статский советник Александр Федорович Лабзин (известный изданием „Сионского вестника”) не соглашался было на определение меня и не хотел подписывать журнала, потому что прежде предлагаемых им двух человек на эту должность правитель канцелярии Никольский на эту должность не одобрил. Благодетель Ефстафия Ивановича Александр Семенович Шишков спросил его самого:

- Разве вы его не знаете?

- Знаю, - отвечал он, - он хороший человек.

Лабзин хотел меня лично видеть. Е. И. прибежал за мной. Лабзин, поговоря со мной, почему я оставил службу в Г. Пр., а перешел служить в полицию, где мало мог приобрести познания, и, оставшись доволен моим ответом, сказал, что он согласен на мой прием в Департамент. Представили об утверждении меня в

должности товарищу Министра Морских Сил господину Чичагову.

В это время возвратился с Англии садовник Слезак. М. И. призвавши меня, велел ехать вместе с ним на Украину, сказавши, что я уже довольно насмотрелся в Петербурге, но я просил его позволить мне остаться в Петербурге.

- Зачем? - спросил он.
- Я ищу здесь определиться в коронную должность.
- Куда?, - спросил он.
- В Государственный Адмиралтейский Департамент.
- Кто там первый член?
- Вице-адмирал Шишков.
- Он худо играет в бостон, но я буду вас рекомендовать.

Тогда я поблагодарил ему, и сказал, что по его одобрению я уже представлен г. Чичагову.

Так-то я чудесным образом неожиданно был определен в Государственный Адмиралтейский департамент с жалованьем 750 рублей ассигнациями 16 февраля 1806 года и в сем определении видел Божий обо мне промысел.

После окончания службы в Херсоне, автор настоящих воспоминаний в 1819 году снова посетил г. Харьков, куда приехал для того, чтобы держать при университете экзамен на чин коллежского ассесора. Извлекаем из записок все, что относится к этому времени.

По приезде в Харьков, я остановился в доме у секретаря думы, у которого и прежде несколько раз квартировал. Евгений Александрович Васильев принял меня с объятиями. Я часто бывал у него дома и с удовольствием проводил у него время. В университет подал прошение, с предоставлением аттестата из училища и формулярного о службе списка, изъявив в нем желание, экзаменоваться на чин коллежского ассесора. Мне выдали по разным наукам вопросы, которые не составляют

секрета, потому что в ответах на них заключается главное содержание каждой науки. Тогда был ректором университета профессор математики Осиповский, который сказал мне, из какого сочинения истории можно извлечь ответы по всемирной истории. Вскоре он был уволен за неосторожно высказанное мнение против масонской секты в речи, произнесенной им при публичном испытании. Место его заступил профессор греческого языка. Сыновья его учились в пансионе у Сергея Николаевича Коваленка, моего соученика, с которым я долго жил в одной комнате и пел с ним. Пансион его в это время был в доме доставшийся ему от наследников бывшего нашего директора Г. Б. Буксгевдена и был лучшим тогда в Харькове. Он рекомендовал меня ректору, и это мне помогло. Также Елизавета Михайловна, жена прокурора Павла Хрисанфовича Лабутина, служившего в мое время в Херсоне, жила в дружбе с женою ректора. Она замолвила обо мне доброе слово.

Не надеясь на свою слабую память, я составлял ответы против данных мне вопросов по каждой науке и исписал около трех десятков бумаги и по несколько раз их перечитывал. Можно сказать, что я их почти выучил. Особенно много труда мне стоили Всемирная и Российская истории, Всеобщая и Российская География, а также физика. Экзаменовался я в начале 1820 года. Все экзаменаторы были ко мне весьма снисходительны. Профессор российской словесности Борзенко даже ко мне был благосклонен. Он назначил написать мне сочинение, как первоначально и постепенно открывались искусства, что должно было быть мне известно из других предметов.

Преподавателю в университете Богословия отцу Афанасию Могилевскому прежде еще экзамена я давал читать мои три беседы, сочиненные в Херсоне. Он хвалил одну „О бессмертии души“. Профессор физики Комлешинский, с детства мой знакомый, зная, что я тогда не учил в классах физики, меня конфузил, и, видимо, хотел меня смешать. В этом испытании я

также видел Божий промысел, как вынимал на удачу, из всех наук, весьма легкие к решению вопросы. Приглашен был француз, чтобы испытать мое знание в разговорном французском языке. Я начал учить французский уже в летах и разговорами не занимался, но он находился в другой комнате, и позабыли его позвать. Моё чтение из Телемака, словесный и письменный переводы из него одобрили. Итак, с помощью Божией, я счастливо окончил свой экзамен и в феврале месяце получил из университета хороший аттестат.

Профессор архитектуры при университете Евгений Алексеевич Васильев показал мне свой план Соборной колокольни, и читал мне мнение архитектора Стасова, который славился в Петербурге многими зданиями, с большим вкусом им построенными, и которого император Александр Павлович преимущественно перед другими архитекторами употреблял для казенных зданий, а он имел изящный вкус в архитектуре. На его замечания Евгений Алексеевич не придумал нечего сказать, как только, что столичный архитектор не мог одобрить провинциального архитектора. Я отважился сделать ему свои замечания, что стены толщиной в 2 сажени не могут хорошо просохнуть, что для постройки такой высокой колокольни нужно иметь весьма хороший кирпич, которого нет в Харькове, что такие большие свесы у карнизов невозможно сделать из кирпича. На эти замечания он отвечал, что в разных местах мы сделаем дыры в стенах, чтобы стены могли просохнуть, что мы сами будем делать кирпич, что ему хочется, чтобы это колокольня была выше Киевской, что карнизы будут выливать из чугуна. При постройке этой колокольни оказались трещины, так что для подпорки её на северной и южной частях вынуждены были построить высокие стены с контрфорсами, где помещаются лавки. Без этой предосторожности это огромное и слишком широкое здание колокольни могло подвергнуться падению. Такое опасение заставило строителей уменьшить из проекта один этаж.

Долговременный опыт во всех государствах и в разные века показал, что эти башенные строения только те и долговременны, которые были построены в виде конуса, постепенно в широте уменьшаясь. В таком виде построена и Киево-Печерская колокольня в половине прошлого XVIII столетия шведами и притом из тамошнего кирпича. Такого нигде нет в России.

Евгений Алексеевич показывал мне и другой свой проект, предназначаемый для библиотеки и обсерватории университета. Фасад её сходен с фасадом библиотеки Кассельской, построенной ле-Ду. Он затруднялся, чем лучше укрепить, чтобы не разошлись углы этого весьма широкого здания. Строивши его, видно, он не придумал для этого верного способа. Разрушение этого здания составило его несчастье. Государь Николай Павлович, бывши в городе Харькове, велел удалить его от должности. Итак, начав свою службу весьма счастливо, он кончил её бедственно.

Евгений Алексеевич рассказывал мне, что профессор физики Афанасий Иванович Стойкович, бывши ректором университета, возгордился было этим достоинством и хотел показать свою власть. В вакационное время Евгений Алексеевич поехал в деревню к помещику Вукутичу. По возвращении он присылает письмоводителя спросить его, у кого он спрашивал отпуска? Евгений Алексеевич не хотел отвечать ему. Он на бумаге требовал от него ответа. На, что он сказал, чтобы он забрал свою бумагу, а в противном случае пожалеет об этом. Стойкович потребовал от него ответа другою бумагою. Тогда Евгений Алексеевич написал ему: „Я стыжусь отвечать такому ректору, который во зло употребляет законы. Вместо книг для университета выписывает венгерское вино и рассылает зрителям уездных училищ продавать его по назначенной им цене”. По донесении об этом министру просвещения, он велел подать ему в отставку, в противном случае отдаст его под суд. Еще об одном низком поступке ректора Стойковича рассказал мне Евгений Алексеевич. Он женился на помещице Изюмского

уезда, женщине некрасивой, но у которой было полтора ста душ крестьян. Выпросив себе землю в Херсонской губернии для поселения крестьян, склонив жену продать её землю, а крестьян перевести в эту губернию. Деньги от продажи отчасти употребил на переселение, а отчасти на свои нужды. Потом переселенных крестьян там продал, взял деньги, уехав в Петербург, а жену бросил оплакивать её бедственную участь. Я сказал Васильеву, что эту землю 12 000 десятин отводил в натуре я. Собрал понятых и рабочих из разных селений, которых он отказался кормить и заплатить за труды их. За моё же усердие и бескорыстие, он также оплатил мне неблагодарностью.

Соученик мой Степан Григорьевич Чернышов из уездного землемера превратился в губернского архитектора, нажив себе порядочный домик. Жена его умерла, оставив ему сына. Брат его Борис, бывши в полтавской губернии уездным землемером, умер, и он принял на себя дочь. На вопросы мои об умершем дяде моем Петре Антоновиче, он рассказал, что по отставке он жил в скудности, и некому было его хоронить. Сын его Николай тогда служил при Новгородской гимназии, приехал в Харьков, продал отцовский дом и поехал в Петербург искать места. Я выдел уже каменный двухэтажный дом на Киевской улице построенный каким-то купцом. Я ходил на кладбище под Холодную гору, пересмотрел на крестах и памятниках надписи, но могилы почтенного моего благодетеля и добрейшего человека не нашел.

Степан Григорьевич также мне рассказал с сердечным прискорбием, какую неприятность перенес от своего сына Федора (моего ученика). По выходе поручиком, он жил безлаберно. Слюбился с дочерью родного своего дяди Р. Р. Шидловского, тайно женился на ней, уехал за границу и жил в Вене. Безутешный отец, в тяжкой горести своей, сделал духовную, которой утвердил все свое недвижимое имущество за Н. Н. Надаржинскою, отдав прежде ей в залог Мерчик, будто бы за залог у неё двести тысяч рублей. Итак, кончил жизнь свою в

прискорбной и безотрадной горести. Перед смертью последнюю он имел отраду от своих слуг и крестьян, отпустив из них 100 человек на волю, как видно из описания Слободско-Украинской губернии епископа Филарета. Родная сестра Григория Романовича Шидловского графиня Варвара Романовна Подгоричани при старости своей испытала подобную горькую участь. Старший её сын Михаил в молодости не женился, а жил в расслабленном состоянии в каком и умер. Меньший любимый сын Федор, уехавший в Петербург против её воли, хотел определиться или был уже опять, определен в военную службу, с кем-то вышел на дуэль и был убит. Племянники её мужа, гр. Подгоричани, Вучичи или Вукотичи (*Вучичевичи*), по суду овладели её Пархомовкой, из которой ей досталась седьмая часть. Я был у неё в том доме, что в Харькове был построен по моему проекту. Был ласково нею принят, заметив на лице её печаль, не стал расспрашивать. К большому удивлению, на противоположной стороне от этого дома, увидел дом, построенный еще Григорием Романовичем, очень похожий на дом Прасковьи Михайловны Штеричевой в Басах. 6 декабря я видел в Николаевской церкви Н. Н. Надаржинску старухою, уже потерявшей всю приятность лица своего, и не узнал её, но Борис Борисович Лопатинский подвел меня к ней, как старого знакомого Григория Романовича. Я учтиво поклонился, тем дело и кончилось, но в доме её не хотел быть.

Наставник мой Александр Александрович Палицын давно уже умер. Итак, ничего меня уже не привязывало к родине моей. Мне нужно было искать места для службы. Я видел, что экзамен мой идет успешно. Я прежде послал еще просьбу к благодетелю моему Ланжерону, прося дать его мне приличное место в трёх управляемых им губерниях Новороссийского края. На первой неделе великого поста я выехал из Харькова в Одессу и через Днепр и Буг переезжал еще по льду, а в Одессе нашел глубокую грязь.

Додатки

Садиба Параски Михайлівни Штеричевої

Садибний комплекс розташований на південно-східній околиці Сум, в колишньому селі Верхні Баси, має історичну назву садиба Параски Михайлівни Штеричевої. Розташований він на пагорбі, що в ті часи являв собою острів, який утворився між двома поздовніми і двома поперечними рукавами р. Псел. Колись один з рукавів Псла тік біля самої садиби. Зараз від нього залишилася стариця. Згодом мости, що вели до міста, замінили дамбами. Значних археологічних знахідок тут не знайдено, але допускають, що тут могли мешкати люди ще за часів неоліту.

Сьогодні до складу садиби входять палац (головний будинок) і два флігели. Садиба існує з кінця XVIII ст. і первісно належала родині Донець-Захаржевських.

У 1918 р. тут для дітей з радянської Росії обладнали дитячий будинок. Про це сповіщала місцева газета „Комуна”, що санітарним поїздом №84 прибули до Сум 600 учнів та учениць радянських трудових шкіл з міста Александрова Володимирської

губернії. Харківським відділом Всеросійської ради захисту дітей цей великий дитячий транспорт віком 8-14 років за згодою місцевої влади – виконкому, земвідділу і військкомату – буде розміщено по економіях Альтшулера, Богатирьова, Штейнера.

Що сталося з дітьми після приходу білої армії, невідомо. В подальшому тут розташовувалися медичні оздоровчі заклади.

Сьогодні садиба оточена вже не парком, а здичавілим лісом з різним мотлохом. Повне забуття і пограбування всього, що можна поцупити. Зберігся тільки центральний будинок в доброму стані, завдяки комерційній структурі ЗАТ „ЦАНТ”. Крім збереження самого будинку керівництво переймалося і проведенням Паліцинських читань.

В нашої дебільної влади є дика здібність руйнувати наші архітектурні комплекси, що дійшли до нас з минулого. Так була розідрана на шматки садиба Миколи Суханова стараннями Єпіфанова, а так, зовсім недавно, знову його стараннями, розірвана на шматки і так перебудована, що вона втратила всяку архітектурну подібність зі старою будівлею, родинна садиба Харитоненків. Так сталося і з садибою Штеричевої.

В результаті цього розшматування всі інші будівлі, і ті що збудовані за радянської влади, доведені до повної руйнації. Водонапірна башта, кажуть, що порізана місцевим кримінальним авторитетом Пашою, а так, як весь металобрухт іде в печі дружбана Януковича Рената Ахметова, то і відповідальності ніякої немає. Зрізали всю комуналку і то ніякої відповідальності, а тут башта.

Розпланування комплексу садиби асиметричне, що є характерним для раннього романтизму. Усі будівлі муровані з цегли на вапняно-піщаному розчині. Перекриття на дерев'яних балках. Дахи вальмові і щипцеві по дерев'яних кроквах, укриті покрівельною сталлю.

Двоповерховий на підвалі головний будинок збудований за проектом О. О. Паліцина у кінці XVIII ст. і реконструйований в

кінці XIX ст. К. Г. Шольцом (батьком, бо був ще і син) в стилевих формах англійської неоготики. Будинок можна умовно поділити на дві частини. Північно-західна частина має багатокamerне розпланування, а решта – коридорне з двобічним розташуванням приміщень. На всіх фасадах є виступи у вигляді гранчастих еркерів, ризалітів або веж.

Фасади акцентовані щипцями складних геометризованих обрисів з декоративними навісними башточками-кавальєрами. Такі ж башточки акцентують наріжники будинку.

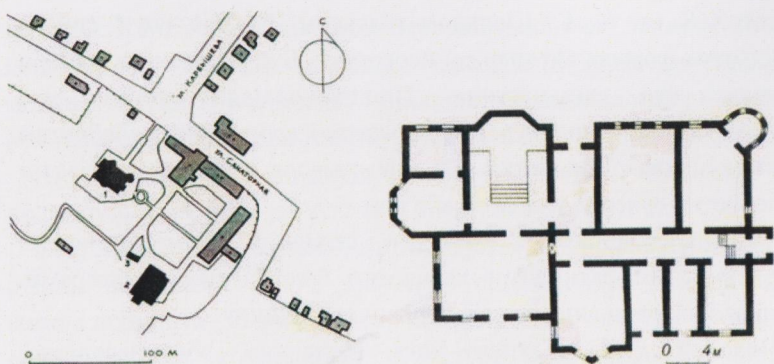
Чоловий фасад акцентовано наріжною восьмигранною, високою, п'ятиярусною вежею з балконом на масивних кронштейнах, стрільницями, машикулями й зубцями-мерлонами. Нагорі влаштовано оглядовий майданчик.

З боку паркового південного фасаду до трикутного в плані одноповерхового ризаліту, на якому влаштовано балкон, асиметрично прилягає невисока тераса з пологими сходами.

Вікна першого поверху стрільчасті, другого поверху – прямокутні, з геометризованими гуртами на кшталт сандриків.

Вінчає фасади розвинений карниз з романо-готичною аркатурою. Історико-мистецьку цінність мають парадні двомаршові дубові сходи у вестибюлі, а також, частково уціліле, поліхромне ліплення.

Садібний комплекс в Басах є одним із мистецьки найбільш довершених серед тих, що збереглися на Слобожанщині. Це рідкісний авторський витвір архітектора О. О. Палідина. Як пам'ятка архітектури національного значення має охоронний № 1542. У попереднього орендаря термін оренди скінчився у вересні 2012 р. Вони собі викупили приміщення колишнього комунального підприємства. Тепер цей комплекс планують передати СумДУ. Що з цього вийде, мені сказати важко. Які ігрища за цим всім стоять, теж важко сказати, але дивитися на всю цю руїну досить боляче.

План садиби і першого поверху головної будівлі

Сучасний стан колишнього парку

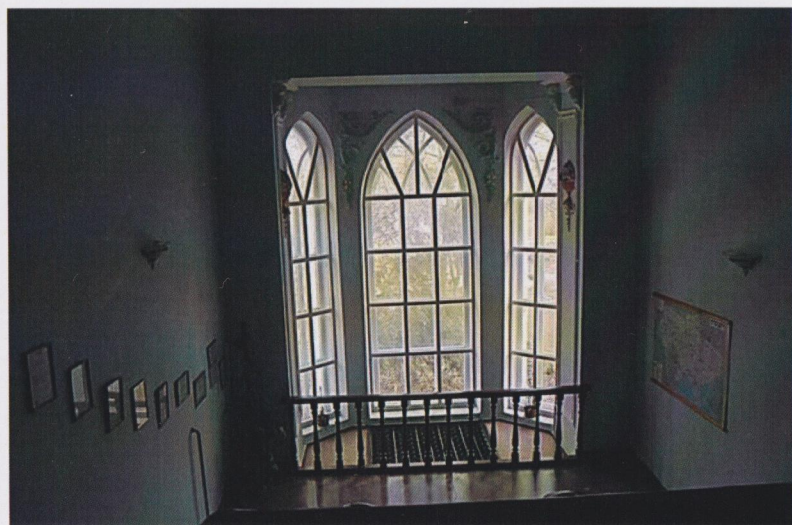

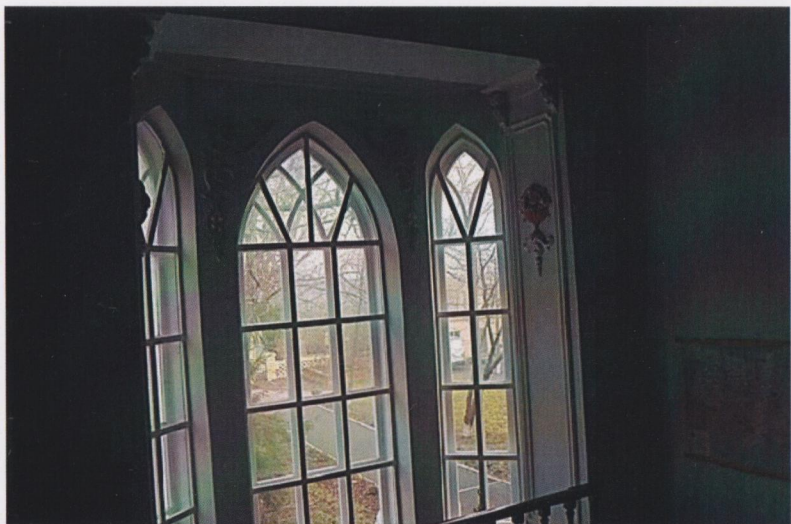

Тут в ніші Воскресенської домашньої церкви колись стояла статуя Ісуса Христа

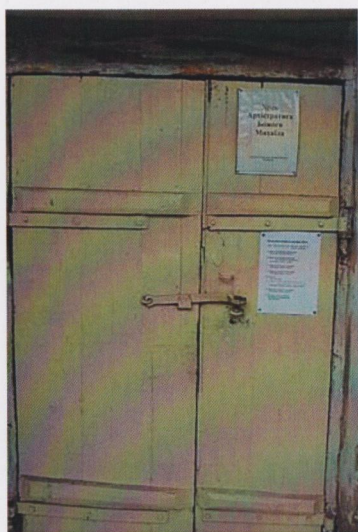
Будівлі радянського періоду

Дуже символічне порівняння. Розбите обличчя у бюста Леніна і зруйнована історична архітектурна пам'ятка. Змінилась партійна (пролетарська) диктатура на диктатуру debilів і бандитів від фінансово-промислових груп. Мабуть у нашого суспільства іншого вибору не було і не буде. Так і будемо в ролі маятника коливатися від однієї диктатури до іншої.

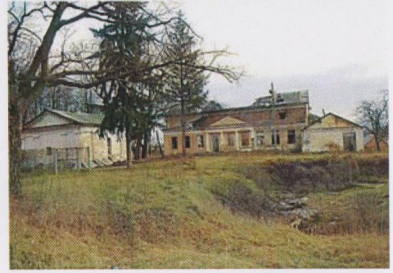
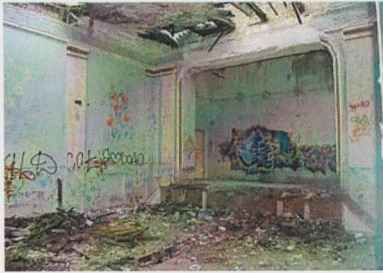
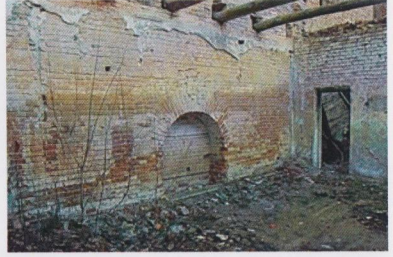
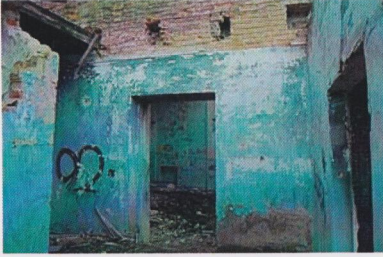

Коли громада православної церкви Київського патріархату стала вимагати собі колишню Воскресенську церкву, то їм в якості компенсації віддали цей колишній господарський флігель. Там тепер валаштована церква Аристратиго Божого Михайла. Флігель прямокутний в плані, одноповерховий на підвалі з класичним декором фасадів. Причилькові фасади вирішені приземистими чотириколонними тосканськими портиками з трикутними фронтонами невеличкими сегментальними вікнами в тимпанах и карнизами на модулях. Система вентиляції зруйнована, а пічне опалення, що встановили, визиває конденсацію в результаті чого сіра пліснява знищує дерев'яну підлогу. Треба піч перенести в підвал, тоді тепле повітря, підіймаючись до гори, буде сушити підлогу.

Загальна об'ємно-просторова композиція цього флігеля дисиметрична. Всі фасади акцентовані пристінними портиками тосканського ордену. Стіни вінчає карниз на модулях. Вікна прямокутні без лиштви.

Почате будівництво нового санаторного комплексу, що вмерло від горбачовської перестройки. Хто з шакалів капіталізму собі все це задеребанить, сказати поки важко.

„Попівська академія”

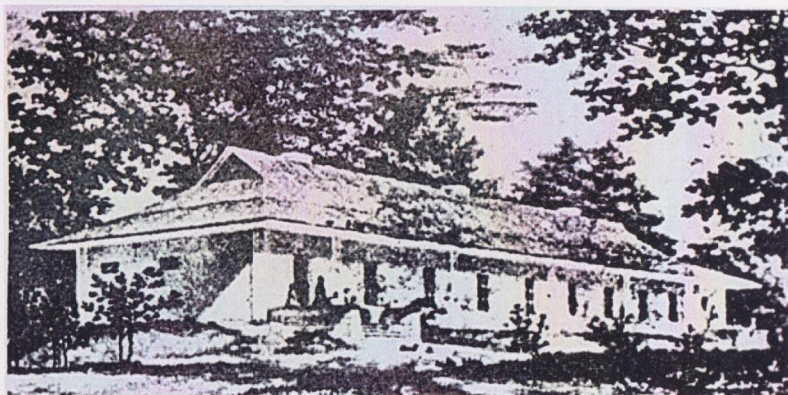
Ось, що писав професор Д. І. Багалій: „Некоторые помещики стали посылать своих детей в Московский университет, а у сумских дворян, вероятно, под влиянием литературного кружка А. Палицына, в 60-х годах XVIII ст. возникла мысль об учреждении университета в Сумах” (Краткий очерк Харьковского университета за первые 100 лет его существования 1805-1905 гг.).

Тому сумська громада добивалася відкриття університету в Сумах ще у 1767 р.

Професор М. Ф. Сумцов писав: „...Поповская академия” в свое время была просветительским учреждением и до открытия Харьковского университета, отчасти выполняла роль высшего учебного заведения. Душою ее был А. Палицын, соединивший в

себе разностороннее и широкое образование с мягкосердечием, добродушием и с большой способностью сплачивать людей в интересах общественного преуспеяния, умственного и нравственного. В лице Палицына в Харьковском крае, в лучшей, наиболее населенной и богатой его части – в Сумском и Ахтырском уездах, явился рассадник западно-европейского просвещения, преимущественно просветительской и филантропической французской литературы прошлого века. Деятельность А. Палицына совпала по времени и направлению с деятельностью В. Н. Каразина, и эти два человека положили краеугольные камни в дело развития просвещения в Харьковской губернии” (Харьковский сборник).

Малюнок Алферова будинку Олександра Олександровича Палиціна в с. Попівка. „Попівська академія” предтеча Харківського університету.

Свій будинок О. Паліцин називав „Пустынню”, а себе – „пустынником”.

*Пустыня мирная к спокойству дней
Убежище при старости моей
Не променяю вас, храмины убоги
На пышные сады, огромные чертоги.*

Садиба Камбурлея

Садиба відносилася до визначних у всій Росії та розташовувалася у дуже мальовничій місцевості. Вже по дорозі з садиби Писарівка можна було бачити широку долину з зеленою травою. Дорога до неї проходила через барський парк зі старими деревами, кущами та невеличкими долинами. На самій горі був розташований будинок, а інші будівлі знаходилися поруч. У царській грамоті від 24 квітня 1703 р., яку отримав полковник Андрій Герасимович Кондратьєв, слобода Хотінь фігурує у числі садиб, отриманих після Герасима. „На границе Хотени село Новая Слобода и церковь св. Анны, Петра и Павла и двор его полковника да мельница”. „Ныне в Хотени каменный храм Успенский: он построен в 1786 г. Андреем Андреевичем Кондратьевым. Из Хотеньского архива опись недвижимого имения умершего Лейб-Гвардии корнета Андрея Андреевича Кондратьева: „Село Хотень, в нем церковь каменная, господский дом о 2 покоях, крыт соломою”. „В Хотени, в главной конторе еще недавно хранился очень обширный архив”.

Садиба переходила з рук у руки в родині Кондратьєвих і потрапила до правнуки Анни Андріївни Кондратьєвої, яка взяла

шлюб з Михайлом Івановичем Камбурлеєм, який побудував Хотинський палац. У подальшому її донька, у шлюбі з Бутурліним, передала його своїй доньці, Анні Дмитрівні, у шлюбі Строгановій. П. С. Строганову садиба перейшла в спадок пожиттєво. Прямих нащадків не лишилося і суд затвердив багато далеких родичів, які продали свої долі єврею Шкопу, а в нього садибу придбав сумський землевласник Ліщинський.

На залишках рам від картин ще значився Рубенс. Меблі були розпродані. Частина з них знаходилася в Будинку Дворянства у Харкові, у садибі Капніста у Михайлівці, в садибі Лютовка у Клейнміхеля, у садибі Ребіндера, у нащадків П. І. Харитоненка і інших.

Будинок довгий час був у стані повної руйнації. Нижній поверх використовували як склад для збіжжя, а на верхньому розташовувався притулок-санаторій. Під вагою зерна руйнувалися стіни, осипався живопис. У 1916 р. Ліщинський збирався продати палац на цеглу, але завадило те, що він просив 4 тис. крб., а давали тільки 3 тис.

У жовтні місяці 1918 р. будівлі садиби були спалені невідомою групою бандитів. Повідомлення надійшло пізно і повітова сторожа не догнала бандитів.

Ця садиба була побудована Михайлом Івановичем Камбурлеєм, колишнім Курським, а потім Волинським губернатором, за участю кращих майстрів того часу. Архітектором був Д. Кваренгі, а розпис плафонів належав кращим фрескістам тієї епохи.

Будинок з обох боків має майже однакові фасади. Два поверхи однакової висоти. Нижній поверх рустований. Всі вікна розділені пілястрами. В усіх деталях і пропорціях видно спокій і велична благородна простота. Особливо гарно виглядає портик із 6 колон коринфського ордера, між яких знаходяться дерев'яні, але чудові балясини.

У тимпані, з боку під'їзду, розташовані герби Камбурлея: орел з луком у щиті, знизу зірка, з обох боків – чудовий намет з прапорів і все це у вінку зі стрічками. Можна додати, що палац схожий на палаци в Петрограді (Англійський палац) і Олександрівський (у Царському Селі), дуже схожий на Маринську лікарню, що на Літейному проспекту.

В усіх 87 кімнатах були встановлені прекрасно зроблені двері, стіни рустовані. Вестибюль разом зі сходами виконаний в тосканському стилі. Колони ділять вестибюль на три частини. У середній частині під аркою, починаються сходинки. З кімнат нижнього поверху, невисоких, але красивих виділялася зелена спальня. Вона мала коринфські колони та добре розписана орнаментами, фігурами вставленими між камей.

Яскраво-синя кімната мала розписаний плафон. Пасок фриза був розписаний античними сюжетами із зображеннями ангелів. Таких круглих кімнат внизу було дві.

Чудовий розпис янтарної кімнати. По кутках плафона розташувався ряд олтарів, на яких були складені тирси та інші атрибути античного богослужіння.

Були малинова, синя, мармурова кімнати. Біла кімната мала бронзові прикраси й чудові печі. Рожева кімната мала оздоблення над дверима. Жовта кімната була позначена чудовою ліпниною на фризі. Піч теж мала орнамент.

Зала блакитно-сірого кольору мала золоті прикраси. Мармурові колони підтримували хори коринфського ордеру. Люстри, мармуровий камін та паркет мали орнаменти чудової краси.

Поруч з будинком були розташовані два флігелі з іонічними чотириколонними портиками. Між ними знаходилася кругла клумба. За головним будинком був сад. З лівого боку були розташована зруйнована оранжерея. За часів Камбурлея до нього у садибу поміщики з Богодухова відправляли своїх кріпаків навчатися садівництву у садівника Слезака, що вчився в Англії, який завідував садом у Камбурлея.

Зі споминів Василя Івановича Ярославського ви довідалися за інші будівлі садиби і історію їх створення. На мій погляд історія, коли Камбурлей за один день вирішив всі питання одруження схожа на міф. Питання одруження вельмож теж контролювалося монархом.

Відомо, що свій театр Камбурлей забрав з маєтку на гастролі по Волині, коли став там губернатором, і досить успішно там на ньому заробляв гроші, так як в свій час це він робив зі своїми музикантами в Курську. В ті часи як отримати посаду, так і її позбутися можна було з любого міркування монарха.

Використана література

Харківський календар за 1886 р. – Харків: Друкарня губернского правління, 1887 р.

Вечерський В. В. // Садиба П. М. Штеричевої в Басах із зводу пам'яток історії та культури України. – К. 1994 р.

Сумцов М. Ф. Літературний додаток до „Харківського Календаря” за 1888 р., стаття „Культурный уголок Харьковской губернии”, с. 100.

Зміст

Вступ.....	3
Спомини В. І. Ярославського.....	5
Додатки.....	56

Науково-популярне видання

Василь Іванович Ярославський

учитель, землемір, архітектор

Автор і упорядник Ленський Олексій Васильович

Верстка і дизайн: Ленського О. В.

Підписано до друку 30. 08. 2012р.

Формат 90х60/16

Друк цифровий.

Гарнітура Times. Наклад 10 пр.

Власне видавництво Ленського О. В.

Л 33 Ленський О. В. Василь Іванович Ярославський
– Суми: Власне видавництво Ленського О. В. 2012.
80 с., іл.

ББК 63.3(4Укр-4Сум)

Я – автор книжок: „Сумське реальне училище”, „Таке солодке слово „театр”, „Міланська опера в Сумах”, „Олександрівська гімназія”, „Історія розвитку знарядь праці, економіки, освіти, культури на Сумщині”, „Історія мистецтв Сумщини”, „ЗОШ № 21”, „Історія преси і журналістики”, „Садівництво Віктора Юліановича Перковича”, „Чехови і Лінтварьови”, „Іван Григорович Ільченко і його газета „Сумський вісник”, „Люблю, друзя, ласкати очима строений прошлых красоту”, „Не

превращайте память нашу на свалку брошенных костей”, „Перша Сумська жіноча гімназія”, „Нестор Махно і повстанський рух на Сумщині”, „Едуард Лукич Кайданський”, „Сумський кадетський корпус”, „Історія Сумина”, „Прогулянка Соборною і Воскресенською”, „І. Ф. Вараксін”, „Рід Алчевських”, „Сумська реклама”, „Сумська Центральна міська бібліотека ім. Т. Г. Шевченка”, „Сумське повітове земство”, „Сергій Якович Гребенщиків”, „Достопоштенной памяти Павловского рафинадного завода”.

